

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ШКОЛА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник студенческих работ

Восточная перспектива

Выпуск 5

Москва, 2021

УДК 82.82
ББК 94
С23

Редколлегия:

Виноградов А.О., Ефименко М.В. (ответственный секретарь),
Клобукова Н.Ф., Куделин А.А., Сизова А.А., Чупрыгина Л.А.,
Чупрыгин А.В., Эм П.П.

С 23 **Сборник** студенческих работ «Восточная перспектива».
Выпуск 5. – М.: ООО «Адвансед солюшнз», 2021. – 124 с.

ISBN 978-5-6044549-9-2

В данном выпуске представлены статьи призеров и лауреатов VI–VII научной студенческой конференции «Восточная перспектива», которая состоялась в Москве на базе Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2019 и 2020 гг. Статьи затрагивают широкий круг вопросов экономического, политического и культурного развития стран Азии и Африки.

УДК 82.82
ББК 94

Восточная перспектива

Сборник студенческих работ
Выпуск 5
Компьютерная верстка Е. Патрушева

Формат 60 × 90/16.
Заказ № 5934.

ООО «Адвансед солюшнз»
119071, г. Москва, Ленинский пр-т, 19, стр. 1

© Школа востоковедения
НИУ «Высшая школа экономики», 2021.

© ООО «Адвансед солюшнз», 2021.

ISBN 978-5-6044549-9-2

Содержание

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Усанов М.Д. Political Culture and Protests in Mainland China and Hong Kong. 4

Малыхина А.Л. Влияние демографической политики на изменение населения городов Республики Корея 19

Савченко А.Ю. Одна страна — 4 валюты. Валютный совет как основа валютной политики САР КНР 34

Кондакова К.С. «Глобальная сеть партнерских отношений» во внешнеполитической риторике КНР и место России в ней 41

Ким Н.Л. Влияние урбанизации на изменение института семьи: опыт Республики Корея 65

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ЯЗЫК И ИСКУССТВО СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Орлова Е.А. Юридические проблемы торговли произведениями искусства в КНР 76

Лантева А.М. Классические малайские медицинские манускрипты. 88

Бутурлин И.С. Mubārazāt ar-rab (арабские рэп-баттлы) как фактор полного оформления арабского рэпа в системе устной поэтической традиции 101

Орлова Е.А. Государственная политика КНР по борьбе с незаконными раскопками в XXI в. 112

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

*Усанов Максим Дмитриевич,
2-й курс магистратуры
НИУ ВШЭ
E-mail: usanovmd@gmail.com*

Political Culture and Protests in Mainland China and Hong Kong

Abstract

Protest movement in Hong Kong has been widely discussed in the last decade. Using political culture approach, the article examines and compares political cultures of Mainland China and Hong Kong. The main aim is to describe the nature and character of the current relations between China and Hong Kong. The focus is on the heterogeneous political culture of Hong Kong which causes protests and fuels discontent with implementation of «one country, two systems» policy.

Keywords: *PRC, Hong Kong, Culture, Political Culture, Political Protests.*

The China — Hong Kong relations attracted mass attention in the 21st century due to continuing political protests happening in Hong Kong since its handover in 1997. In the context of globalisation and interconnectedness of modern political and economic systems, the meaning of Hong Kong as a well-known and established financial hub of the world, supplemented by the high level of economic development on the one side, and China as a major international actor on the other side, cannot be underestimated. In 2047 Hong Kong is to return under full Chinese governance, and the half of the century is supposed to unite two political systems for them to be merged into one state. However, the incorporation strategy of China in the last decades causes more conflicts

and protests, resulting in reversed outcomes — alienation of Hong Kong. The research on the topic of Hong Kong — PRC relations lacks investigation of political culture issues concerning the problems in these relations, and this question is rarely discussed in the context of political culture studies. However, political culture approach provides theoretical explanation and adds up to the understanding of relations between PRC and Hong Kong significantly.

Unravelling the Concept of Political Culture

In the seminal work on the concept, Gabriel A. Almond and Sidney Verba refer to political culture as to specifically political orientations, i.e. attitudes towards the political system and its elements and towards the role of the person in this system¹. Scholars underline the multidisciplinary nature of the concept, as it involves and utilises the frameworks and approaches of anthropology, psychology, and sociology. Furthermore, Lucian W. Pye and Verba claim that political culture of a society consists of the system of empirical beliefs, expressive symbols, and values which defines the situation in which political action takes place². Generally, political culture refers to the power and authority questions, i.e. the interaction between the power (ability to impose power) and the authority (why people look at your power as power). The basic classification suggested by Almond and Verba distinguishes three «pure» types of political cultures:

1. *Parochial* — no specialised political roles, individuals have no interest and no knowledge about the political system³.

2. *Subject* — implies the awareness of the system and its structure, with the affective orientation towards it (positive or negative), but the relationship is characterised by being on the «downward flow» side of the political system. The participance of the individual is almost non-existent in this type³.

3. *Participant* — implies the explicit orientation towards the political system, with an individual being an active participant in political life of the system⁴.

Nevertheless, Almond and Verba suggest that almost all political cultures should be referred to as «systematically mixed» types

of political cultures, meaning that they consist of simpler patterns of orientation and the more complex ones. In this sense, three mixed types are distinguished by the scholars based on political changes and shifts from one type to the other: parochial — subject, subject — participant, parochial — participant⁵.

Apart from the basic theory of political culture, Lowell Dittmer applies a semiological approach to understanding political culture with the notion of symbol at its core and primary focus. Dittmer defines political culture as a system of political symbols, which nests within a more inclusive system of political communication⁶. As a semiological system, political culture then deals with meanings ingrained in political communication system in which it is placed, i.e. political culture cannot be distinguished from political communication system. The system of political culture may be analysed on the basis of three semiological relationships: pragmatics, semantics, and syntactics. Furthermore, the communicators (transmitters and receivers in conventional communication system) that operate in a political communication system can be divided into two wide categories — masses and elites, where the former respond to and interpret the symbols that are being manipulated by the latter. For this article, the focus is on pragmatic relations between masses and elites in Dittmer's system. Pragmatics focuses on the transmitter's intentions to communicate something, and receiver's reactions to it. Using pragmatics, mass — elite relations and conceivable intentions are described in terms of support — opposition categories, forming four possible cases:

Masses are satisfied — Elites enhance support: the situation is rare but perfect in terms of harmonious relations between masses and elites. Symbolic manipulation can be used to consolidate status quo⁷.

Masses are opposed — Elites enhance opposition: the situation exemplified by the state of civil war or revolution. Vertical cleavage occurs, and the outcome of a struggle between supportive elites and masses against opposing elites and masses depends on the strength and power⁸.

Masses are opposed — Elites enhance support: in this situation horizontal cleavage between elites and masses occurs. In such

condition revolt and upheavals of the masses are possible, and symbol manipulation can be one of the elites' medium of managing the situation⁹.

Masses are satisfied — Elites enhance opposition: this situation has two possible ways of development: elites might use symbolic manipulation and activate masses by dragging them into the opposing side; or the incumbent will use power to eliminate opposing elites¹⁰.

The four patterns described reflect the possible relations between the masses and the elites in a political communication system. Generally, communication approach concentrates on the relationship between different parties of political culture, and points out the meaning of symbolic nature of this relationship, as well as the possibility of manipulation.

The last theoretical point worth mentioning is nature and origin of political culture, discussed in Pye and Verba's research. The scholars definition given at the beginning of this section implies that political culture is not a random set, but a system of coherent patterns that are mutually reinforcing. Moreover, in Pye and Verba's work, political culture is not a constant entity of the society, but it is a process, and it has its dynamics. The concept is transmitted through generations, and historical aspect is crucial when we talk about political culture, as each generation receives the political culture from the previous one and adjusts it (or conforms to it) in contemporary system. Basically, two major sources of learning political culture in the society are described:

Non-political experience — family, school, and peer group experiences, as well as extra-political experiences at work and different associations¹¹.

Political memory of a person — the experience with political process, contact with political and governmental structures from which an individual draws inferences about the nature of political process¹².

Therefore, we may see that political culture is also perceived as a system of beliefs towards the political system. The sources of political culture show that it is highly intertwined with the general culture. Indeed, we cannot separate the concept of political cul-

ture from the concept of the general culture — the former is an integral aspect of the latter, and the two are interdependent and interrelated. Furthermore, the two are closely connected with the historical development of the political system and the society. As was stated before, political culture is dynamic, i.e. political beliefs can be transformed and manipulated.

Having analysed and set the theoretical framework for the concept of political culture, in the following sections we proceed to the discussion of political culture of Mainland China and Hong Kong. In discussion we shall take into consideration the origins of political cultures of the two political units, as well as societal and cultural dynamics in the development of the two.

Chinese Political Culture

Chinese political culture can be generally characterised as having three major elements: Confucius culture, Communist culture, and Power — Capital culture¹³. The three elements distinguished reflect the history of PRC. Confucius culture existing in contemporary political culture is represented by traditional views of Chinese people. Communist culture by and large reflects that of the Maoist era period of Chinese history. Here we shall mention that traditional Chinese beliefs (basically Confucian) were employed and transformed by communists in a way that communist views were not perceived as alien and thus did not contradict Confucian views of the population. The last element labelled Power — Capital culture refers to the influence of the opening of China and partial acquisition of market economy and foreign ideas and principles. Nevertheless, the opening and globalisation have not led to the loss of traditional views and beliefs of Chinese masses and elites, but instead rather reinforced and strengthened them¹⁴.

Despite the relative heterogeneity of the three elements described above, there are three common traits of these cultures inherent in Chinese political culture. The first one is supremacy of the state/ party/ leader or other organisation which is higher in hierarchical order of the society. In Chinese political culture, hierarchy, order, and stability are valued over individual rights

and freedom¹⁵. The latter are to be sacrificed and abandoned for the sake of stability and consensus. This feature is characteristic of Confucian traditional views of the societal order, and was employed by communists in a way that in order to control a huge population of the country, countless units were established (i.e. people were subject to units) and units were subjects to the country, which is subject to the party, and the party is controlled by the leader¹⁶. With the introduction of Power — Capital culture (associated with Deng Xiaoping era), political power successfully assimilated economic capital and even strengthened it with the use of the new rhetoric. Market reforms in China were not accompanied by serious political transformations or democratisation of society and state¹⁷. Power — Capital culture as a result reinforced the hierarchy — order — stability triangle advocated by Confucian and Communist cultures before¹⁸.

The second element is non — participation of the population in political life of the system on a par with the emphasis on obligations instead of rights. Communist culture opposes individual rights and promotes obedience. As for the Power — Capital culture, economic elites obtained limited participation in political and social life of the system, with the obvious utility and limitation. In essence, the Power — Capital culture still uses the political participation of capital as a tool to consolidate power¹⁹. Traditionally, ordinary people were not even allowed to talk about politics (in Ancient China), words like «government», «social order» were generally restricted in the life of the people in order to prevent the very possibility of rebellion and to keep the lower classes in obedience. «Talking about high things while taking a low position is a crime», — stated in Mencius classical texts²⁰.

The last element is strong inequality between upper and lower levels of the society. Confucian traditional culture advocates the difference between the noble and the poor, and in Confucian pursuit of compromise and harmony we can see a set of double standards: people should have respect towards officials, while officials can punish people. The Communist culture also respects the «power standard» — the rulers often threaten the upper and lower levels with the warning that the next step is about to destroy

the party and the country. The Communist culture went further than the Confucian culture because it combined Marxist — Leninist philosophy and the principle of violence, strengthened the idea of the dictatorship of the proletariat, and severely hindered the cultivation and growth of a culture of tolerance. Power — Capital culture is far from achieving tolerance for non-power and non-capital. Political power's tolerance for alien forces is very limited, and arrogance of economic capital is everywhere. Under the immersion of Power — Capital culture, power is still an important indicator of the dignity in interpersonal relationship. On the basis of such political culture value system, it is difficult to form and develop a culture of equality and tolerance between people²¹.

Hong Kong Political Culture

Hong Kong attained the status of Special Administrative Region (SAR) of PRC in 1997. Before that, the territory had been ruled by the United Kingdom since Nanking Treaty was signed in 1842 (as a result of the First Opium War). We shall notice that prior to the British rule the territories that now comprise Hong Kong were not very developed, and the area was relatively barren and hilly. Great Britain introduced the infrastructure to the territory and institutionalised it. Political culture is shaped by historical, societal, and political development of political system; and it is transmitted from generation to generation. In view of this, it should be pointed out that under Japanese occupation (1941—1945) the population of Hong Kong contracted from 1.6 million people to 600 000 people²². This fact is crucial in the research on political culture, as such drastic changes in a population undoubtedly influence the culture of the society. Furthermore, after the Chinese Civil War, refugees from the Mainland who were against the Communist Party fled to Hong Kong, this way stabilising the «shortage» in population after Japanese occupation.

Basically, British rule of Hong Kong was not democratic in its core, but in its development, Hong Kong followed the capitalist model imposed by the British. The trajectory of Hong Kong dif-

fers substantially from that of the Mainland China — there was no Communist rule in Hong Kong, no Cultural Revolution — the factors that are crucial in political culture of China. The concept of «socialism with Chinese characteristics» has never existed in Hong Kong.

Hong Kong culture is an example of integration of Western values into the Asian society. Confucianism, as a core Asian school of thought, has some influence in Hong Kong, as well as other traditional Chinese/Asian concepts: the notions of filial piety, collectivistic nature of the society, and the concept of face can still be observed in Hong Kong. However, Hong Kong society is strongly influenced by Western concepts of freedom of speech, democracy, and rule of law — the young generation by and large does not uphold Confucian values. The concepts of natural inequality and hierarchy are mostly rejected by the modern people in Hong Kong. Overall, Confucianism is much less prevalent in Hong Kong in comparison with China — there are very few Confucian schools (in 2015 there were two of them with 700 Christian and Catholic schools)²³.

The concept of democracy in Hong Kong and China deserves further discussion. The research conducted in Asian countries in 2002 presents useful data, as it shows perception of democracy in China and Hong Kong. Due to the research, Mainland Chinese are more committed to democracy than people in SAR and have more expectations towards democratic progress. However, when the research was conducted in a way that the word «democracy» was not mentioned in a survey, thus checking up democratic values of the society, Hong Kong upholds core democratic values to much greater extent than China. Such discrepancy is based on the vagueness of the concept of «democracy», which can even be interpreted as «our regime» in Asian countries²⁴. Generally, in 2002, people of Hong Kong considered that the new government did a worse job of protecting individual freedom and independence of the judiciary than the former British colonial government²⁵. In the modern Hong Kong (and already in 2002), the level of political trust is low. It means that trust is not enhanced by democratic values, but the result is reversed — trust is en-

hanced by traditional values in China and decreased by democratic values in Hong Kong. This can be explained by the fact that more pro-democracy citizens are more critical towards regimes and corruption, and more sceptical of the incumbent government, while traditional society is more deferential toward the authorities (Confucian values have a strong influence in these relations in traditional societies)²⁶.

One of the distinctive features of Hong Kong political culture is its propensity towards demonstrations. Noticeably, the majority of the demonstrations in Hong Kong may be seen in a broader context of pro-democracy movement, and since 1980s onwards, the number of demonstrations is growing. People in Hong Kong value their right to demonstrate to a great extent, as they perceive it as one of the main guarantors of maintenance of democracy and autonomy, as well as an indicator of «one country — two systems» policy effectiveness.

Overall, the relationship between Hong Kong and Mainland China cultures is two-fold. Joseph Man Chan and Francis Lee referred to Hong Kong as regarding themselves as belonging to a Chinese culture, but not Chinese political community with Chinese government²⁷. Indeed, while general culture of Hong Kong is close to the Chinese culture (according to general patterns implemented by Geert Hofstede)²⁸, political field remains the area of distinction, as Hong Kong people do not uphold the same patterns of political culture as people of the Mainland.

Summarising the discussion of Hong Kong political culture, while the general indicators used in cultural anthropology in Hong Kong are not so different from Mainland China, the political culture of the two represents two different entities. Historical development of Hong Kong resulted in less influence of Confucianism than in Mainland, and capitalist development with the strong Western values element prevails. The mass political culture of Hong Kong is not purely democratic, but in its opposition to the Communism, it possesses many democratic features such as strive for political participation, universal suffrage, individual freedom, and right for demonstrations and freedom of speech. The attempts of the Mainland China to introduce changes and

adjust Hong Kong to the realia of the authoritarian Mainland hitherto led to the massive popular unrest which is represented by a big amount of mass protests since Hong Kong handover to China in 1997.

Political Culture and Protest Movement in Hong Kong

The first major protest in Hong Kong occurred in 2003, it is considered to be the turning point in Beijing — Hong Kong relations. After that, the Chinese government turned to more active policy of incorporation of Hong Kong²⁹. All major protests in Hong Kong are triggered by the actions of the government that were de facto aimed at increasing Chinese influence in Hong Kong (Table 1). While by and large the protest movement's efficiency may seem to be rather tangible, the situation is in its stalemate, because the main purpose — universal suffrage promised in the Basic Law, is not achieved, and given the acute assimilationist strategy of Mainland, can hardly be turned into reality. What is indicative is that the protests reflect on the big issues, which are most notable. While some of the big «projects» are turned down by the protest movement, the real changes are much less visible, but carried out effectively. One of the examples is educational reforms. Education is one the major elements in socialisation process, and in political culture discourse, socialisation is the formative factor of identity. When in 2012 the subject «Moral and National Education» was proposed, the opposition turned it down. But while as an independent subject it was turned down, de facto curriculum reforms started already in 2001³⁰. China topics, language, history, and culture are being taught inside and outside schools (through exchange programs with the Mainland). Noticeably, Tiananmen incident is not included in curriculum of Hong Kong schools. Therefore, the British system of education, which existed in Hong Kong before handover, has already been transformed into more «Chinese» model. In view of this, the protests of 2012 are opposition towards China influence, but only in its obvious and evident manifestation.

Protest Movement in Hong Kong

Protest	Cause
July 2003 Protests (pro-democratic protests followed in 2004–2005)	An attempt to introduce anti-subversion legislation
December 2005 Protests	Electoral reform
2010 Protests	Arrest of Chinese activist and electoral reform package
2012 Protests	«Moral and National Education» subject — attempt to change school curriculum system. Political intervention of Beijing in Hong Kong affairs
2014 Umbrella Movement	Electoral reform
2019 Protests	Bill that would allow extraditions to mainland China

The most pressing issue triggering Hong Kong protests is universal suffrage. This factor refers to the low trust towards government in Hong Kong mentioned before. Since the handover, people have shown their discontent with the policies of the Chief Executives. At this point, we need to take into consideration the fact that all of the Chief Executives hitherto were pro-Beijing. All of the four Chief Executives (including the incumbent Carrie Lam) were appointed by the premiers of PRC. This has been causing distrust from the people of Hong Kong, as well as general pessimism towards the way the democracy has been carried out, and towards the work of the government in general. Hitherto, the Chief Executive as the main figure of Hong Kong government failed to appeal to the people of Hong Kong and make bonds that would enhance support.

Since 2003, the protests show the tendency of Hong Kong people to fight for their freedom and non-interference of China. Still, the attempts of the government to modify the system and adjust it to the Communist rule and taking Hong Kong closer under control hitherto led to the raised concerns and unrest in Hong Kong. The protests of 2019 — so far, the largest and the longest — are an indicator of self-awareness of Hong Kong people. The open incor-

poration strategies lead to a more alienation of Hong Kong from Mainland China, and they threaten «one county, two systems» policy vitality in general. At that point, it is crucial to mention that Hong Kong does not demand the recognition of it as a state, but rather demands the uphold of «one country, two systems» policy. Up to this point, the policy was undermined by the Chinese side rather than Hong Kong side, because Hong Kong stands for the rights stipulated in the Basic Law of Hong Kong. Chinese persistence in incorporation of Hong Kong is not occasional as well. We shall take into account the attitude towards the harmony in Chinese culture, and the feelings of Chinese exceptionalism. In light of this, from the cultural point of the problem, to maintain harmony in its state, China will pursue the incorporation strategies to eventually unite Hong Kong, Macao, and Taiwan under one rule. «One country, two systems» is a temporary medium of transition of the territories back to the motherland, from Chinese point of view. Despite the failures of the strategy, we can see the culturally programmed patterns which help to explain the policies implemented in the context of Chinese political culture.

The protest movement shows the dynamics of the relationships between the government and Hong Kong people. Referring to Dittmer's description of mass — elite political culture communication discussed before, in Hong Kong we observe a sharp horizontal cleavage between the elite and the masses. The mass political culture is in clash with the political culture of the government (elite culture). Mass political culture is anti-communist and pro-democratic. Political protests show that the society strongly opposes any threats of confining its freedom as well as opposes incorporation of Chinese Communist ideology and wider control of the PRC government over Hong Kong. At the same time, looking at the government of Hong Kong, we see pro-Beijing Chief Executives (de facto chosen by Beijing), who balance between the more democratic citizens of Hong Kong, who demand universal suffrage, and Mainland China government, who undoubtedly puts pressure on Hong Kong government. As a result, the elite political culture in the question of power and authority contradicts that of the masses. For the masses, the government of

Hong Kong lacks legitimacy and does not have the right to exercise full power, as it was not chosen by the people of Hong Kong. Nevertheless, it is not the political system that is illegitimate, but the incumbent people and ways of election—the process of political actions is unacceptable, i.e. political culture. The case of 2014 is a good example, as while Mainland Chinese side tried to use half-measures to alleviate anti-Mainland attitudes, the reform offered was not welcomed, because de facto it changed very little. The protests of 2019 are a logical continuation of the Umbrella Movement, as in response to the extradition law, the people of Hong Kong demanded more pro-democratic actions. The government responses undermined Carrie Lam as a Chief Executive of Hong Kong and deepened the cleavage between the masses and elites. Therefore, Hong Kong protests unveil the problem of the «one country, two systems» policy in its modern state. The Mainland Chinese government tries to enhance support by trying to manipulate symbols (national anthem, education, history, and shared memory promulgated in Hong Kong). Hong Kong government, in its pro-Beijing discourse, loses its legitimacy in the eyes of its people for being a pawn, which disrupts its effectiveness. In the political communication system of Hong Kong, the intensions of masses and elites contradict each other, causing irresolvable unrest. As masses always reflect and interpret the symbols transmitted by elites, since 2003 the relations between masses and elites in Hong Kong can be characterised as a clash of interests and intentions and open opposition of democratic masses versus pro-Beijing, more traditional elites. The situation can also be described as a clash of prevalent participant political culture of the masses, and subject political culture of the elites, or resistance against imposition of subject political culture into participant political culture. This also reflects the question of intentions, as the people of Hong Kong demand the reinforcement of participant political culture, while PRC demands the breeding of subject political culture, causing a dilemma in Hong Kong government. As Pye and Verba stated, the distinction between the elites and the masses always exists in any society. However, in political culture the relationship between the cultures of the two defines the stability of the society. In Hong Kong, we observe heterogeneous political cultures being in a state of clash and conflict.

Conclusion

Political culture approach reveals internal cultural problems in China — Hong Kong relations as well as a heterogeneity in Hong Kong political groups. Sharp horizontal cleavage between the masses and elites causes protest and fuels discontent with implementation and interpretation of «one country, two systems» policy. Concomitantly, the struggle between participant and subject political cultures is observed in Hong Kong relations with China. The impact of the cleavage is huge due to the fact that it causes division in relations between the masses of Hong Kong and China, causing anti-Chinese attitudes in the former, and alienation in the latter. The resolution of the problem discussed in the article will influence the international system to a great extent due to the extremely high importance of Hong Kong as an international financial hub on the one side, and China as one of the major political and economic actors on the international arena. The resolution of the struggle between differences in political culture is the key to maintain stability in relations between Hong Kong and Mainland China.

¹ *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations // Princeton University Press, 1963.

² *Pye L. W., Verba S.* Political Culture and Political Development // Princeton University Press, 1965, P. 513.

³ *Ibid.* P. 17—18.

⁴ *Ibid.* P. 18—19.

⁵ *Ibid.* P. 21—22.

⁶ *Dittmer L.* Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis // World Politics. — 1977. — Vol. 29, Issue 4. — P. 552—583.

⁷ *Ibid.* P. 573.

⁸ *Ibid.* P. 572—573.

⁹ *Ibid.* P. 573.

¹⁰ *Ibidem.*

¹¹ *Pye L. W., Verba S.* Political Culture and Political Development // Princeton University Press, 1965.

¹² *Ibid.* P. 553—554.

¹³ *Hong Z.* Bian zhong bu bian: Fansi zhongguo zhengzhi wenhua de tedian yu gongneng (Unchanged while changing: reflection on the characteristics and functions of Chinese political culture) // 2009. URL: <https://www.modernchinastudies.org/us/issues/past-issues/105-mcs-2009-issue-3/1102-2012-01-05-15-35-41.html> (reference date: 18.03.2020).

¹⁴ *Melnikov A.P.* Chinese Political Culture // Vestnik BrGU. — 2012. — No. 1. — P. 76—81.

¹⁵ *Hong Z.* Op. Cit.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ *Melnikov A.P.* Op. Cit. P. 76—81.

¹⁸ *Hong Z.* Op. Cit.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ *Sharko S.V.* Cultural — Ideological Aspect in Modern Politics of China // Orientiry..., — 2010. — No. 6. — P. 146—158.

²¹ *Hong Z.* Op. Cit.

²² HKUST Library. Three Years and Eight Months: Hong Kong during the Japanese Occupation. URL: <https://library.ust.hk/exhibitions/japanese-occupation/?page=Intro> (reference date: 20.03.2020).

²³ *Cheung T.* Let Virtues of Loyalty and Decency Calm Restless Hong Kong, Confucian Academy President Says // SCMP. — 2015. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/education-community/article/1866653/let-virtues-loyalty-and-decency-calm-restless> (reference date: 14.04.2020).

²⁴ *Nathan A. J.* Political Culture and Diffuse Regime Support in Asia // Working Paper Series by Global Barometer. — 2007. — No. 42. URL: <https://china.usc.edu/sites/default/files/legacy/AppImages/Nathan.pdf> (reference date: 07.04.2020).

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

²⁷ *Lee F., Chan J.M.* Political Attitudes, Political Participation, and Hong Kong Identities after 1997 // Issues and Studies. — 2005. — Vol. 41, Issue 2.

²⁸ Country Comparison: China; Hong Kong // Hofstede Insights. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/china,hong-kong/> (reference date: 16.04.2020).

²⁹ *Fong B. C. H.* One Country, Two Nationalisms: Centre — Periphery Relations between Mainland China and Hong Kong, 1997—2016 // Modern China. — 2017. — Vol. 43. Issue 5. — P. 523—556.

³⁰ Ibidem.

*Малыхина Анастасия Леонидовна
2-й курс, бакалавриат, НИУ ВШЭ*

Влияние демографической политики на изменение населения городов Республики Корея

Аннотация

Статья посвящена анализу факторов, повлиявших на кардинальные изменения в демографической ситуации в Республике Корея в 1961—1990 гг. Центральное место занимает анализ политики государства в области народонаселения, в ходе которого автор приходит к выводу, что «Национальная программа планирования семьи» оказала ключевое воздействие на темпы и характер трансформации демографического поведения корейцев.

Ключевые слова: *Республика Корея, демография, политика государства, сокращение коэффициента рождаемости.*

В последние десятилетия проблема стремительного старения населения и падение коэффициента рождаемости ниже уровня его воспроизводства является одним из самых главных вызовов для современной Республики Корея (РК). Анализ ее демографических изменений показал, что с 1955 г. численность населения увеличилась примерно в 2,4 раза, достигнув 51,7 млн в 2018 г. (рис. 1). Однако темпы его роста неизменно снижались после пика в 1960 г. и составили всего лишь 0,18% в 2015—2020 гг. (рис. 1). Прежде всего, это связано с коренными изменениями в динамике коэффициентов рождаемости и смертности, последовавших после начала правительственной программы планирования семьи в

1960-х гг. В связи с этим цель данного исследования — изучение особенностей и результатов демографической политики РК с 1961 по 1990 г.

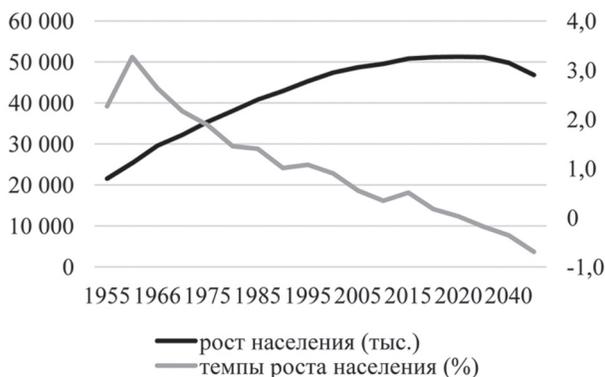

Рис. 1. Динамика темпов роста и численности населения РК, 1955—2040 гг.

Источник: Korea Statistical Information Service, 2019¹;
The World Population Prospects, 2019².

Стабилизация быта, улучшение качества и доступности медицинских услуг в конце 1950-х гг. привели к значительному сокращению коэффициента смертности в РК. Так, в 1955—1960 гг. он составил уже 14,3‰ что на треть меньше, чем в предыдущие годы (рис. 2). Кроме того, к 1960 г. происходит стремительное снижение показателей детской и младенческой смертности на 44 и 20% соответственно (рис. 3). Одновременно начался «бэби-бум», характерный для многих стран в послевоенное время. Благодаря ему к 1960 г. коэффициент рождаемости достиг своего пика в 44,2‰ (рис. 2). Таким образом, описанные выше факторы в совокупности с высокими темпами миграции, вызванными массовым возвращением репатриантов и переселением части населения с севера на юг после Корейской войны, стали причиной резкого повышения показателя естественного прироста населения до рекордных 30‰ (рис. 2).

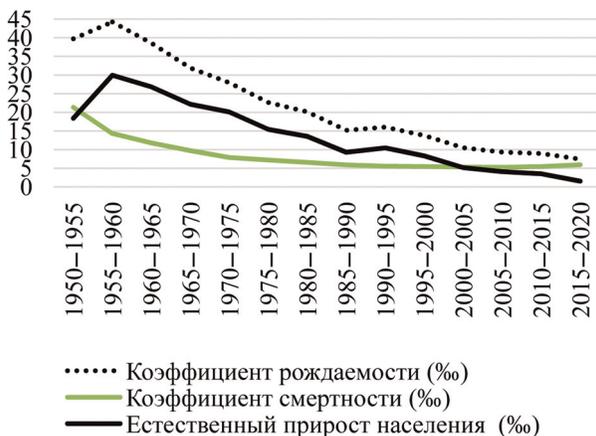

Рис. 2. Динамика основных демографических показателей РК, 1950—2020 гг.

Источник: The World Population Prospects, 2019³.

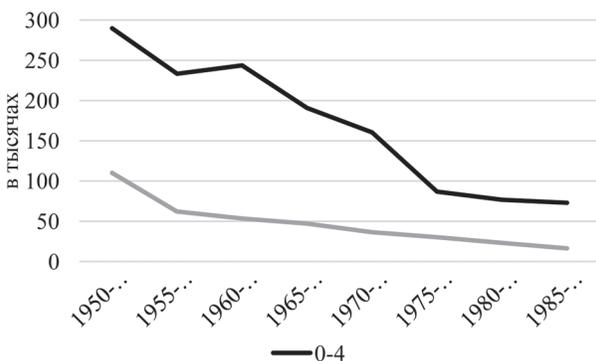

Рис. 3. Динамика детской и младенческой смертности в РК, 1950—2020 гг.

Источник: The World Population Prospects, 2019⁴.

В непростой послевоенный период стремительный рост коэффициента рождаемости и всего населения рассматривался государством как одно из препятствий для экономического развития⁵. В РК, как и во всем мире, стала широко освещаться проблема скорого перенаселения, которая бы повлекла за собой масштабный голод, эпидемии и другие

социально-экономические проблемы. В тот момент в обществе распространилась идея о том, что рост численности населения оказывает прямое воздействие на относительное снижение доступности материальных ресурсов на человека, изменение возрастной структуры страны и, как следствие, — увеличение доли зависимого населения. В результате, для повышения уровня жизни граждан и сокращения уровня нищеты в 1961 г. была принята «Национальная программа планирования семьи», впоследствии ставшая неотъемлемой частью пятилетних планов социально-экономического развития РК.

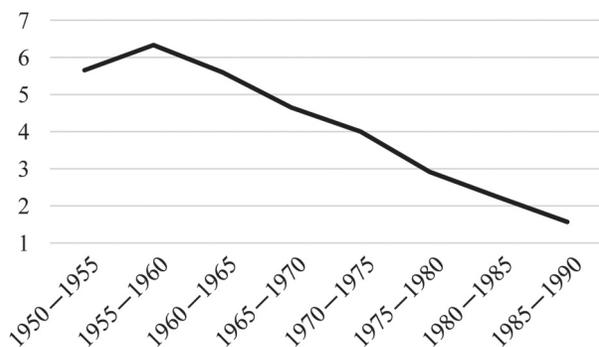

Рис. 4. Динамика коэффициента фертильности в РК в 1950—2020 гг.

Источник: The World Population Prospects, 2019⁶.

Главная цель принятых мер заключалась в сокращении темпов естественного прироста населения на 0,1% каждый год, то есть с 2,9% в 1960 г. до 2% к 1970 г., а позже до 1,5% в 1976 г.⁷ В соответствии с указанной целью правительством был поставлен ряд задач, включавших, помимо всего прочего, сокращение коэффициента фертильности и уменьшение уровня желаемого числа детей до трех к 1968 г., двух — к 1971 г. и одного или двух к 1980-м гг.⁸ Данное обстоятельство связано с тем фактом, что вопрос излишней фертильности особенно остро стоял в РК в то время. Согласно результатам исследований, проведенных в конце 1950-х — начале 1960-х гг., большинство корейских женщин репродуктивного возраста считали, что идеальное количе-

ство детей в семье не должно превышать четыре-пять⁹. Однако на тот момент коэффициент фертильности составлял более 6 рождений на одну женщину (рис. 4). Следовательно, в обществе сложилась ситуация, когда женщина в среднем имела больше детей, чем считала приемлемым для себя.

Программа была реализована в три этапа, каждый из которых длился около десятилетия. Основные меры правительства можно разделить на следующие категории:

- увеличение доступности и разнообразия безопасных средств контрацепции;
- создание стимулирующих факторов принятия населением мер по планированию семьи;
- устранение юридических препятствий для проведения программы путем пересмотра существующих законов и общественных институтов;
- образование и просвещение населения в области народонаселения с целью изменения его традиционных ценностных установок в области воспроизводства.

Контрацепция как основная мера снижения фертильности

Один из главных методов программы заключался во внедрении бесплатных и надежных средств контрацепции, распространявшихся через медицинские центры. В конце 1950-х гг. знания населения о способах контрацепции были весьма ограничены. Несмотря на осведомленность мужчин о презервативах, в обществе сложилось негативное отношение к ним, так как чаще всего их применяли для предупреждения венерических заболеваний при внебрачных связях¹⁰. Однако с началом проведения государственной программы ситуация в корне изменилась. К середине 1960-х гг. в РК широко внедрили практику мужской стерилизации посредством вазэктомии, применение внутриматочной спирали (ВМС) и оральных контрацептивов (в 1968 г.)¹¹. С введением в 1976 г. процедуры женской стерилизации, она стала основным методом планирования семьи, а доля

акцепторов временных мер на общем фоне заметно сократилась. Если в 1976 г. услугой стерилизации воспользовалось около 4% женщин, то к 1988 г. показатель увеличился в 9 раз до 37% (табл. 1).

Социальная поддержка государства

Одновременно с расширением доступности различных средств контрацепции проводилась активная политика увеличения привлекательности их использования и стимулирования снижения рождаемости посредством диверсификации социальной поддержки семей, решивших заранее планировать небольшое количество детей. Основные меры в этой области были направлены на помощь в улучшении жилищных условий и выплату различных пособий и субсидий. Зачастую важнейшим условием получения тех или иных льгот стало применение стерилизации одним из супругов после рождения первого или второго ребенка. Так, например, в 1978 г. таким парам был отдан приоритет в получении государственного жилья, а в 1982 г. — в получении средне- и долгосрочных кредитов на жилье и займов на средства к существованию для групп с низким доходом¹². Тогда же малообеспеченным гражданам со стерилизацией начали раздачу денежных субсидий, для компенсации утраченной заработной платы¹³. В 1980 г. акцепторам стерилизации после второго рождения ребенка в государственных больницах плата за роды снижалась, а с 1985 г. для женщин, желающих иметь только одного ребенка, родовые услуги оказывались бесплатно¹⁴. Кроме того, с 1983 г. на первого ребенка (первых двух детей в случае государственных служащих) начали дополнительно выплачивать семейные и образовательные пособия¹⁵.

Кампания по просвещению населения

Особое внимание уделялось культурным основам высокой рождаемости, в связи с чем началась обширная кам-

пания информирования граждан по вопросам народонаселения. На начальном этапе основная задача работников программы состояла не только в оказании базовых медицинских услуг, но и в образовании, прежде всего, сельского населения посредством личного посещения домов¹⁶. Это связано с тем, что именно в отдаленных от городских центров районах рождаемость была наиболее высока, знания в области планирования семьи ограничены, а средства для контроля над рождаемостью практически недоступны. Кроме того, в сельской местности тогда проживало около 70% всего населения страны¹⁷. С постепенной стабилизацией экономической ситуации и ускорившимися темпами урбанизации (к 1980 г. в РК был совершен урбанистический переход) целевая группа населения была расширена на городскую бедноту и фабричных рабочих¹⁸. В дальнейшем многие исследователи выскажут мнение, что данная политика способствовала развитию системы здравоохранения и расширению доступности медицинской помощи для сельских жителей и городской бедноты¹⁹.

С развитием программы возникла серьезная проблема, связанная с тем, что если в сельской местности работники легко могли получить доступ к целевому населению и наладить персональный контакт, то в городах личное посещение домов оказалось неэффективным методом работы с людьми. Поэтому с 1970-х гг. в рамках политики по контролю за рождаемостью стали массово использоваться различные СМИ. С помощью газет, плакатов, журналов проводилась пропаганда идеального образа семьи с двумя детьми, порицалось предпочтение сыновей. Использовались всевозможные лозунги: «Рожайте меньше детей и достигните процветания», «Сыновья или дочери, остановитесь на двух детях независимо от их пола», «Хорошо воспитанная девочка лучше, чем десять мальчиков» и так далее²⁰. Тогда же образование в области демографии, в котором подчеркивались социальные и экономические недостатки быстрого роста населения как для страны в целом, так и для отдельных лиц, было включено в школьную программу²¹.

Для более активного привлечения мужчин в процесс планирования семьи на рабочих местах и на учебных занятиях в армейском резерве были организованы специальные лекции²². Кроме того, в 1970-х гг. правительство обязало средние и крупные компании разработать для сотрудников программы по планированию семьи, а профсоюзы — обеспечивать просвещение на данную тему среди своих членов.

В 1980-х гг. акцент был сделан на категорию молодых людей в возрасте 20—29 лет, то есть на поколение послевоенного «бэби-бума», вступившее в репродуктивный возраст и создававшее потенциал для новой волны роста рождаемости²³. С этого времени деятельность по продвижению маленького размера семьи и сокращения его в конечном счете до одного ребенка была расширена. Теперь интенсивное информирование стало осуществляться за счет широ-

Рис. 5. Агитационные плакаты, отражающие демографическую политику РК в 1960—1980 гг.

Источник: Naver²⁴.

кого применения радио и телевидения. В 1983 г. в качестве лозунга был выдвинут слоган «Воспитывайте одного ребенка с любовью и заботой», а в 1986 г. — «Даже два ребенка на семью — много для перенаселенной Кореи».

Искусственные аборты

Еще одним ключевым фактором, способствующим снижению рождаемости в РК, стало искусственное прерывание беременности, особенно популярное среди горожан. Распространение искусственных абортов началось еще во время Корейской войны (1950—1953 гг.), так как в тот период для многих женщин беременность приобрела весьма нежелательный характер²⁵. В послевоенные годы данная тенденция только усилилась ввиду того, что процесс восстановления экономики только начался и большое количество людей страдало от нищеты. Причем положение городских жителей в 1950—1960-х гг. было не значительно лучше, чем сельских. Согласно результатам исследования в 1965 г. около 55% населения Сеула проживало в условиях крайней бедности²⁶. Ситуация в столице усугублялась и ввиду активной миграции в город бедноты из сельских районов в поисках лучшей жизни. Так, например, из-за нескольких подряд плохих урожаев во второй половине 1960-х гг. около 17% сельского населения мигрировало в Сеул²⁷. С учетом того, что государственная программа планирования семьи началась только в 1962 г. и на первых порах была направлена на сельскую местность, многие корейцы в городах не обладали средствами для приобретения контрацептивов. Поэтому в то время одним из основных методов контроля за рождаемостью стала процедура искусственного аборта, доступная на черном рынке. Исследование, проведенное в Сеуле, показало, что в начале 1960-х гг. она широко практиковалась среди замужних женщин²⁸. К 1985 г. уже более 50% женщин детородного возраста совершали аборты, причем большая часть из них проживала в городах (рис. 6).

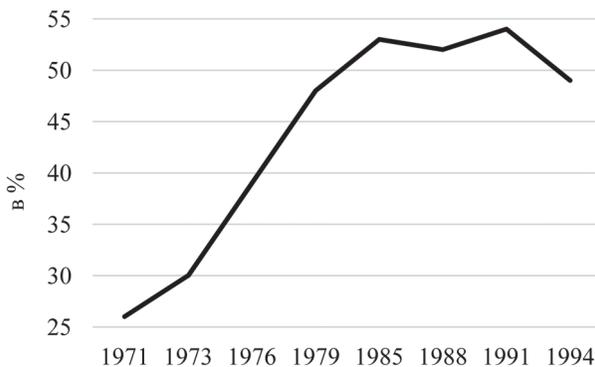

Рис. 6. Динамика искусственных абортов среди замужних женщин детородного возраста в РК с 1971 по 1994 г.

Источник: Chun Heeran, Doyal Lesley, Payne Sarah, Cho Sung-li, Kim li-Ho, 2006²⁹.

Создание юридической основы

Немаловажной мерой правительства стало устранение юридических препятствий для реализации программы. Одни из самых значимых законодательных правок касались повышения статуса женщины в обществе, активного ее вовлечения в трудовые отношения и борьбы с предпочтением сыновей.

С давних времен в Корее укоренилась четкая патриархальная система, при которой сын ценился выше дочери. Это связано с традицией, согласно которой женщина, выходя замуж, становилась частью другого дома, а следовательно, не могла наследовать имущество родителей и совершать поминальные обряды. В обществе сложилась патрилинейная система преемственности, когда продолжение родословной, забота о родителях в старости и после их смерти являлась главной обязанностью мужчины. Таким образом, отсутствие сына приводило к прерыванию родовой линии, что обрекало всех предков на произвол судьбы и навлекало их гнев и беды на семью. Существовала даже традиция, согласно которой мужчина, чья жена не могла родить сына, имел право взять наложницу или вторую жену для про-

должения рода. Исходя из этого, женщина имела сильную мотивацию воспроизвести на свет мальчика, так как лишь после этого она приобретала определенную долю власти в семье. Ситуация усложнилась, когда в 1980-х гг. широкое распространение получила процедура пренатального определения пола ребенка с помощью ультразвука. Многие женщины прибегли к селективным оборотам по половому признаку.

С началом проведения «Национальной программы» государство стало принимать меры для решения описанных проблем. Так, в РК еще с 1953 г. существовал закон, криминализирующий процедуру искусственных аборт (статьи 269 и 270 УК РК), который привел к возникновению черного рынка данной медицинской услуги и значительно повысил риски осложнений и летальных исходов для женщины. В связи с этим в 1973 г. была создана система специальных исключений, разрешавших совершать аборты в течение первых 24-х недель в соответствии с медицинскими показаниями³⁰. В 1987 г. для решения проблемы предпочтения сыновей был пересмотрен медицинский закон с целью запрещения пренатального определения пола и разрешения аннулировать лицензии врачей, оказывающих подобные медицинские услуги. Также были активизированы усилия по ликвидации гендерного неравенства. В 1989 г. изменения внесли в семейное законодательство. Теперь женщина получила право претендовать на равную долю наследства. В том же году согласно закону «О равных возможностях в сфере занятости» не допускалось дифференцированное отношение к мужчинам и женщинам, работающих в одних и тех же условиях.

Обсуждение и выводы

За время проведения «Национальной программы планирования семьи» в 1960—1980 гг. коэффициент рождаемости снизился с примерно 44‰ в начале 1960-х гг. до 15‰ к 1990-м гг. Фертильность сократилась с более чем 6 рождений на одну

женщину в 1960 г. до 2 к 1984 г., достигнув уровня замещения за 4 года до целевого срока, а в 1990 г. составила уже 1,6.

Несмотря на то что сначала программа была ориентирована на сельские районы, ввиду большого демографического давления и более широкого распространения услуг искусственных абортов наибольшие темпы снижения рождаемости наблюдались в крупных городских центрах, особенно в Сеуле.

Благодаря увеличению доступности средств контрацепции и поощрения их использования правительством доля корейских женщин детородного возраста, прибегавшим к ним в рамках государственной программы, увеличилась с 9% в начале 1960-х гг. до 79% в 1991 г., причем большая часть предпочитала стерилизацию временным методам. Однако к 1994 г. данный показатель незначительно сократился (на 2%). Описанные изменения можно связать с тем фактом, что с 1980-х гг. возможности по планированию семьи стали более диверсифицированы, а зависимость супружеских пар от программ государственной поддержки снизилась. Доля людей, прибегавшим к контрацептивам в частном порядке, достигла практически 40% в 1990-х гг.³¹ Большинство из них проживало в городах, где шанс получить услуги контрацепции в аптеках или частных больницах был гораздо выше, чем в сельских районах³². В результате при разработке нового пятилетнего плана в 1991 г. правительство стало отходить от политики бесплатного распространения противозачаточных средств в сторону самокупаемой системы, управляемой частным коммерческим сектором.

В то же время распространенность селективных абортов в 1980-х гг. при одновременном снижении рождаемости привели к дисбалансу вторичного соотношения полов в пользу мужчин. Еще до 1980 г. РК находилась в пределах установленной нормы, то есть примерно 105—106 мужчин на 100 женщин, но к 1985 г. показатель вырос до 109,5, а в 1990 г. достиг пика в 116,5³³. Кроме того, вопреки приложенным усилиям правительства до 1990 г. традиция предпочтения сына все еще оставалась довольно сильной

в корейском обществе. Так, например, в 1991 г. около 41% замужних женщин детородного возраста считали своим долгом родить мальчика и обеспечить мужа наследником³⁴.

Одним из самых важных последствий стремительного изменения демографического поведения корейского общества, особенно в городах, стала острая проблема старения населения. Исходя из нынешней половозрастной структуры, к 2050 г. ожидается сокращение абсолютной численности населения до 47 млн чел., а темпов роста до $-0,69\%$ ³⁵. Неизбежным следствием станет и уменьшение доли трудоспособного населения, что уже в ближайшее время может привести к серьезным социально-экономическим проблемам.

В заключение стоит сказать, что не существует единого пути трансформации социума и, в частности, совершения им демографического перехода. На изменение демографической ситуации в стране оказывает влияние целый ряд взаимосвязанных факторов, включающих в себя экономическое развитие, процессы урбанизации, индустриализации, повышение образованности населения и т. д. В связи с этим многие исследователи поднимают вопрос о роли государственной политики РК в произошедших переменах, указывая на их неизбежность. Общепризнанно, что характер и темпы перехода к рождаемости зависят от осознанной потребности супружеских пар в небольших семьях³⁶. В 1960-х гг. РК находилась под большим демографическим давлением, поэтому желание населения, стремящегося улучшить свое экономическое положение, регулировать размер семьи стало распространяться примерно в то же время. Исходя из этого факта, можно сказать, что предпосылки для позитивного принятия «Национальной программы планирования семьи» широкой общественностью были заложены еще в первые годы после войны. Тем не менее в случае РК именно активные действия правительства, отреагировавшего на острую социальную потребность и предоставившего необходимые средства для ее удовлетворения, стали одной из ключевых причин столь высоких темпов снижения коэффициента рождаемости.

Приложение

Таблица 1

Доля замужних женщин детородного возраста в РК, прибегавших к средствам контрацепции в 1971–1994 гг. по их видам

Метод/год	1971	1976	1982	1985	1988	1991	1994
Всего	24,6	44,2	57,7	70,4	77,1	79,4	77,4
Женская стерилизация	—	4,1	23	31,6	37,2	35,3	28,6
Вазэктомия	3,3	4,2	5,1	8,9	11	12	11,6
ВМС	7,2	10,5	6,7	7,4	6,7	9	10,5
Преоральные таблетки	6,8	7,8	5,4	4,3	2,8	3	1,8
Презервативы	3,2	6,3	7,2	7,2	10,2	10,2	14,3
Другие	4,2	11,3	10,3	11	9,2	9,9	10,6

Источник: Kwon Tai-Hwan, 2001. P. 47³⁷.

¹ Korea Statistical Information Service. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://kosis.kr/index/index.do> (дата обращения: 14.06.2020).

² The World Population Prospects, 2019. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 14.06.2020).

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

⁵ *Choe Minja Kim, Park Kyung Ae.* Fertility Decline in South Korea: Forty Years of Policy-Behavior Dialogue. // Korea Journal of Population Studies. 2006. № 29 (2). P. 4.

⁶ The World Population Prospects, 2019.

⁷ *Whang In-joung.* Korean national family planning program, Hawaii: East-West Center, 1981. P. 1.

⁸ *Kwon Tai-Hwan.* The National Family Planning Program and Fertility Transition in South Korea // Population Policies and Programs in East Asia. 2001. № 123. P. 56.

⁹ *Choe Minja Kim, Park Kyung Ae.* Op. cit. P. 4—5.

¹⁰ *Kwon Tai-Hwan.* Op. cit. P. 46—47.

¹¹ *Mason Andrew, Cho Lee-Jay.* Population Policy // Economic development in the Republic of Korea: A policy perspective. Honolulu: East-West Center. 1991. P. 309, 323.

¹² *Mason Andrew, Cho Lee-Jay.* Op. cit. P. 324.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid. P. 325.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ *Kwon Tai-Hwan.* Op. cit. P. 45.

¹⁷ *Cho Namhoon.* Achievements and Challenges of the Population Policy Development in Korea. P. 5—6.

¹⁸ *Kwon Tai-Hwan.* Op. cit. P. 45.

¹⁹ Ibid. P. 43.

²⁰ Naver. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://blog.naver.com/hyouncho/50042586124> (дата обращения: 14.06.2020).

²¹ *Choe Minja Kim, Park Kyung Ae.* Op. cit. P. 12.

²² Ibidem.

²³ *Kwon Tai-Hwan.* Op. cit. P. 45.

²⁴ Naver.

²⁵ *Choe Minja Kim, Park Kyung Ae.* Op. cit. P. 5.

²⁶ *Kwon Tai-Hwan.* Op. cit. P. 59.

²⁷ Ibid. P. 52.

²⁸ Ibidem.

²⁹ *Chun Heeran, Doyal Lesley, Payne Sarah, Cho Sung-li, Kim li-Ho.* Understanding women, health, and social change: the case of South Korea // International Journal of Health Services. 2006. Vol. 36. № 3. P. 584.

³⁰ *Wolman Andrew.* Abortion in Korea: A Human Rights Perspective on the Current Debate Over Enforcement of the Laws Prohibiting Abortion // Journal of International Business and Law. 2010. № 9. P. 155.

³¹ *Kwon Tai-Hwan.* Op. cit. P. 48.

³² Ibidem.

³³ Korea Statistical Information Service. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://kosis.kr/index/index.do> (дата обращения: 14.06.2020).

³⁴ *Chun Heeran, Das Gupta Monica.* Gender discrimination in sex selective abortions and its transition in South Korea. // Women's Studies International Forum. 2009. № 32. P. 91.

³⁵ The World Population Prospects, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 14.06.2020).

³⁶ *Kwon Tai-Hwan.* Op. cit. P. 40.

³⁷ *Kwon Tai-Hwan.* Op. cit. P. 47.

*Савченко Алексей Юрьевич,
3-й курс, факультет МЭО, МГИМО
E-mail: Savchenko.a.y@yandex.ru*

Одна страна — 4 валюты. Валютный совет как основа валютной политики САР КНР

Аннотация

Статья представляет собой обобщенные результаты исследования исторических данных по курсам валют САР КНР (Тайвань, Гонконг, Макао). Путем анализа временных трендов была выявлена и подтверждена привязка не только гонконгского, но и тайваньского долларов к доллару США. Также была произведена оценка перспективы интеграции валютных систем Гонконга, Макао и КНР.

Ключевые слова: *валютный совет, валютная политика, экономика САР КНР, валютные тренды, интеграция с Китаем, привязка валюты.*

В настоящее время Китайская Народная Республика является одной из самых быстрорастущих мировых экономик, ВВП которой на 2018 год составил 12,238 трлн долларов. В 2014 году по уровню ВВП по ППС КНР обогнала мирового лидера — США. Несмотря на то что в последние годы рост экономики начал замедляться, Китай продолжает быть ведущей державой как по темпам роста, так и по объему экономики. Страна является выдающейся не только в экономической, но и в политической сфере: одной из ключевых особенностей КНР является сосуществование четырех де-факто независимых экономик (Гонконг, Китай, Макао, Тайвань). Две из них относятся к группе «азиатских

тигров» — экономик, темпы роста которых в период с 1960 по 1990 год в среднем составляли 6,3%, в Макао в тот период также наблюдались темпы роста в 6%.

Одной из ключевых составляющих роста экономик САР является валютная политика. Валютная политика КНР к настоящему моменту изучалась большим количеством отечественных и зарубежных исследователей, поэтому исследовательский интерес в большей степени представляет политика именно административных районов Китая. Актуальность данной тематики подтверждается тем, что два из трех САР вступили на путь перехода под полную юрисдикцию КНР, и проблема валютной политики в данном процессе стоит не на последнем месте.

Концепция «одна страна — две системы», создавшая четыре де-факто независимых государства, дала им возможность проводить собственную независимую валютную политику. В отличие от юаня — валюты КНР, характеризующейся ограниченной конвертируемостью, гонконгский доллар, новый тайваньский доллар и патака являются свободно конвертируемыми. Именно открытость экономик этих стран, в частности привязка их валют к доллару, позволила им держать темпы экономического роста в 7—9% на протяжении более чем 20 лет.

Установление режима валютного совета подразумевает под собой фиксированный курс национальной валюты с ее привязкой к «якорной валюте» более развитой и экономически стабильной страны. Режим валютного совета преимущественно применяется в малых открытых экономиках, экономический рост которых в основном обеспечивается за счет притока иностранного капитала, основным условием для которого является поддержание стабильного курса национальной валюты.

Только в двух административных районах официально установлен режим валютного совета, однако негласно он существует и на Тайване, наиболее экономически независимом районе страны. Анализ показал, что в трех САР курс национальной валюты напрямую зависит от соотношения

объемов денежной массы М2 и ЗВР, помноженного на эмпирический коэффициент доверия. То есть фактически эти районы не могут проводить независимую денежно-кредитную политику и вынуждены иными способами улучшать инвестиционный климат на своей территории.

Гонконг, в 1993 году установивший режим валютного совета с соотношением 1 доллар США к 7,8 гонконгских доллара, придерживается данной политики уже более 25 лет (рис. 1). Ни один из экономических кризисов не оказал значительного влияния на курс гонконгского доллара, что свидетельствует о качественной и отработанной работе валютного совета, а также о наличии больших запасов ЗВР, которые испытывали серьезные колебания в 1997 и 2009 годах. Выделение почти-периодов в динамике валютного курса и разложение его на компоненты продемонстрировало не только сезонную периодичность валютной политики, но и цикличность краткосрочных решений.

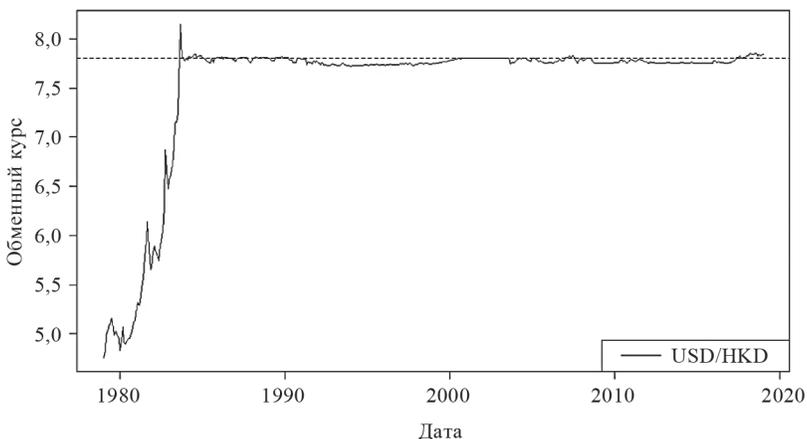

Рис. 1. Обменный курс гонконгского доллара

Источник: составлено автором.

На Тайване, где де-юре существует независимый Центральный банк, наблюдается аналогичная картина в цикличности сезонных колебаний валютной политики, а реальный

курс национальной валюты практически полностью идентичен теоретически рассчитанному по соотношению М2 и ЗВР. Для наглядности на графике построены теоретический (по соотношению выше) и реальный обменные курсы нового тайваньского доллара (рис. 2).

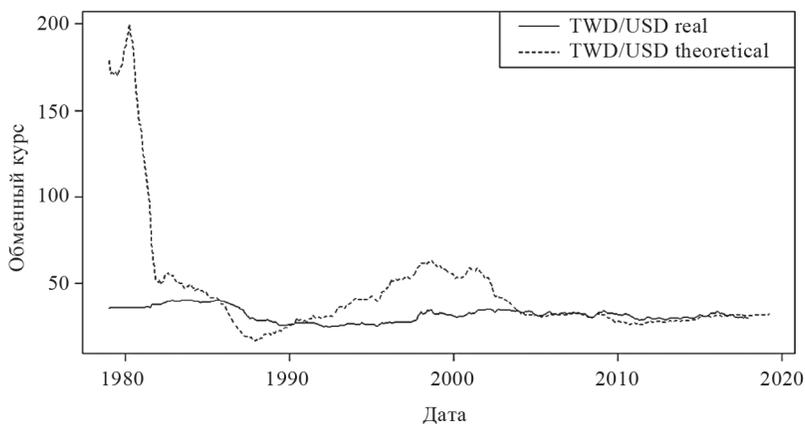

Рис. 2. Обменный курс НТД

Источник: составлено автором.

Тем не менее попытки проводить независимую денежно-кредитную политику прослеживаются в отсутствии симметрии шума ряда динамики валютного курса. Тренд данного ряда со временем стабилизируется у отметки 31.5 НТД за 1 доллар США, что говорит о постепенном негласном отказе от проведения собственной денежно-кредитной политики и переходу к режиму валютного совета.

В Макао также существует режим валютного совета с привязкой 8.03 патак к 1 доллару США. Открытость движения капитала и свободная конвертируемость валюты — это одновременно и достоинство, и проклятие ориентированной на внешний сектор экономики Макао. Именно за счет этих факторов создаются колебания до 130% в уровне прироста экономики, а валютный совет не всегда справляется с четким поддержанием курса национальной валюты.

В результате постоянно возникают споры о необходимости отказа от патаки и переходу, например, на НТД, но для богатого Макао собственная валюта в большей степени вопрос престижа, а не экономического процветания.

В целом можно сказать, что режим валютного совета играет в большей степени положительную, чем отрицательную роль для экономик прибрежных САР КНР, а отсутствие собственной денежно-кредитной политики в перспективе не создает проблем для экономического развития. Поэтому ожидается, что данный режим будет сохраняться и в будущем. Бескровная конвергенция с юанем возможна лишь в случае отказа от ограниченной конвертации. Соответственно, данный переход будет равносителен фактическому отказу САР от собственной валюты и принятием юаня в качестве законного платежного средства.

В будущих исследованиях предстоит сделать упор на эконометрическом анализе взаимодействия различных экономических факторов на валютную политику азиатских стран, а также провести более тщательный анализ коэффициента доверия к национальной валюте.

Список источников

1. База данных Всемирного банка.
2. База данных CEIC.
3. База данных Hong Kong Monetary Authority.
4. База данных Central Bank of Republic of China.
5. Курсы валют портала Investing.com, 2019. Электронный ресурс. URL: <https://www.investing.com> (дата обращения 15.03.19).

Литература

1. Азиатские тигры // Портал НГУ, 2016. Электронный ресурс. URL: <http://old.nsu.ru/education/genecon/work/appendix/tigers.htm> (дата обращения 14.03.19).
2. База данных Всемирного банка. Электронный ресурс. URL: <https://data.worldbank.org/country/china> (дата обращения 14.03.19).

3. *Дубов Г.В.* Темпы роста ВВП Китая достигли минимума за последние 28 лет, 2019. Электронный ресурс. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/01/2019/5c452c389a79477e02307bfb> (дата обращения 14.03.19).
4. *Новикова А.С.* МВФ: Китай обогнал США по размеру экономики // Комсомольская правда, 2014. Электронный ресурс. URL: <https://www.kp.ru/online/news/1865479/> (дата обращения 14.03.19).
5. Официальный сайт проекта «Китай 2049», 2019. Электронный ресурс. URL: <https://project2049.net/tag/china/> (дата обращения 14.03.19).
6. Природные ресурсы Тайваня // CHINA.ORG, 2017. Электронный ресурс. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32011.htm> (дата обращения 14.03.19).
7. Экономико-математический словарь, 2019. Электронный ресурс. URL: https://economic_mathematics.academic.ru/975/%D0%92%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82 (дата обращения 14.03.19).
8. AN INTRODUCTION TO THE HONG KONG MONETARY AUTHORITY // НКМА, 2011. Электронный ресурс. URL: https://www.hkma.gov.hk/media/eng/publication-and-research/reference-materials/intro_to_hkma.pdf (дата обращения 14.03.19).
9. Annual Economic report: Макао 2017 // Consulate General of Switzerland in Hong Kong, 2018. Электронный ресурс. URL: https://www.sinoptic.ch/hongkong/pdf/eco/macao/2017_Macao_Annual_economic.report.pdf (дата обращения 14.03.19).
10. *Catherine R. Schenk* «Economic History of Hong Kong» // EH.org, 2016. Электронный ресурс. URL: <https://eh.net/encyclopedia/economic-history-of-hong-kong/> (дата обращения 14.03.19).
11. *Carlson Mark.* «A Brief History of the 1987 Stock Market Crash with a Discussion of the Federal Reserve ResponseOffsite link», Finance and Economics Discussion Series No. 2007-13, Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs, Federal Reserve Board, Washington, DC, November 2006.
12. HISTORY of CBC // CBC, 2018. Электронный ресурс. URL: <https://www.cbc.gov.tw/public/Data/8227015371.pdf> (дата обращения 14.03.19)
13. Hong Kong as a Service Economy // Information Services Department, Hong Kong Special Administrative Region Government, 2016 Электронный ресурс. URL: https://www.gov.hk/en/about/about/hk/factsheets/docs/service_economy.pdf (дата обращения 14.03.19).

14. HKD peg to USD: for and against // Citeseerx, 2015. Электронный ресурс. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=82A89DA264026A86B6211458C07D0F66?doi=10.1.1.195.9111&rep=rep1&type=pdf>_(дата обращения 14.03.19).
15. *Jean Yueh*. «Land-to-the-tiller program transformed Taiwan» // Taiwan today, 2009. Электронный ресурс. URL: <https://taiwantoday.tw/news.php?unit=10&post=15716> (дата обращения 14.03.19).
16. Macau government reserves amount to US\$62.8 billion // Macau News, 2017. Электронный ресурс. URL: <https://macaunews.mo/macau-government-reserves-amount-to-us62-8-billion/> (дата обращения 14.03.19).
17. Operations of the bank // Central bank of Republic of China, 2019. Электронный ресурс. URL: <https://www.cbc.gov.tw/lp.asp?ctNode=453&CtUnit=271&BaseDSD=7&mp=2> (дата обращения 14.03.19).
18. The Central Bank of the Republic of China (Taiwan) Act, 2019. Электронный ресурс. URL: https://www.law.cbc.gov.tw/webCbcEng/wfrmLaw_ShowAll.aspx?LawID=LA01001005 (дата обращения 14.03.19).
19. U.S. Relations with Taiwan // BUREAU OF EAST ASIAN AND PACIFIC AFFAIRS, 2018. Электронный ресурс. URL: <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35855.htm> (дата обращения 14.03.19).
20. *Yen Chrystal Shih* «The changing financial system in Taiwan», 2000. Электронный ресурс. URL: <https://www.bis.org/publ/plcy01f.pdf> (дата обращения 14.03.19).

Кондакова Кристина Сергеевна
3-й курс бакалавриата, факультет МЭиМП НИУ ВШЭ
E-mail: tinakondakova21@yandex.ru

«Глобальная сеть партнерских отношений» во внешнеполитической риторике КНР и место России в ней

Аннотация

Статья посвящена изучению глобальной сети партнерских отношений КНР, ее развитию и концептуализации ключевых терминов дипломатии партнерств. В рамках проведенного анализа была также определена структура глобальной сети партнерских отношений на современном этапе, выявлены особенности положения России в ней.

Ключевые слова: *глобальная сеть партнерских отношений, дипломатия партнерств, сотрудничество, Китай, Россия.*

После 18 съезда КПК в 2012 г. в китайском лексиконе появляется новый термин — «сеть партнерств». Сегодня дипломатия «партнерств» 结伴外交 неразрывно связана с китайской инициативой «Один пояс, один путь». Определения, которые даются двусторонним отношениям в рамках глобальной сети партнерских отношений КНР, выявляют степень сотрудничества между странами и поэтому требуют более глубокого изучения. В 2019 г. было сделано «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», единственное подобное во внешней политике КНР, поэтому выявление принципов партнерства РФ и КНР и места России в глобальной сети партнерских отношений является актуальным вопросом.

Подробно рассмотрим принципы, лежащие в основе дипломатии партнерств. Лэй Шуан в работе «Концепция парт-

нерства в современной китайской дипломатии» рассмотрел истоки ее формирования в конце 1980-х — начале 1990-х гг.¹ Они лежат в воззрениях Дэн Сяопина. Во-первых, в «дипломатическом курсе 28 иероглифов» 1989 г., в соответствии с которым наилучшая стратегия поведения определяется тремя установками: «хладнокровно наблюдать», «твердо отстаивать свою позицию», «спокойно решать проблемы». Во-вторых, в основе концепции партнерств также лежит тезис Дэн Сяопина о намерении Китая «стоять на стороне Третьего мира, никогда не стремиться к гегемонии и никогда не претендовать на лидерство» (1990 г.), но на мировой арене осуществлять «реальные стратегии развития дипломатии и сотрудничества». В этот период КНР стабилизировала отношения с развитыми западными странами, установила всеобъемлющие отношения со странами Восточной Азии, выдвинула предложение о создании нового международного политического и экономического порядка на основе пяти принципов мирного сосуществования (взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода).

Причины заинтересованности Китая в создании сети партнерств выявил А.Ч. Мокрецкий в статье «Курс на создание сети партнерств, или расширение круга друзей Пекина в новых условиях»:

1. «Внутреннее развитие требует мирного международного окружения».

2. Китай имеет негативный исторический опыт участия в союзах, в-третьих, изменения международной системы требуют более активного участия КНР².

¹ *Лэй Шуан*. Концепция партнерства в современной китайской дипломатии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 113—124. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/113-124.

² *Мокрецкий А.Ч.* Курс на создание сети партнерств, или расширение круга друзей Пекина в новых условиях // Политические процессы в условиях смены экономической модели. 2016. С. 103—115.

Проблема развития глобальной сети партнерских отношений была исследована в работе Е.Н. Грачикова «Стратегия партнерских отношений КНР. Практика и ее концептуализация», в которой представлен взгляд китайских исследователей на стратегию партнерских отношений. Согласно данному исследованию в международной политике выделяется понятие «отношения» — это сбалансированная конструкция или когнитивный результат, сформированный в результате взаимодействия социальных субъектов (акторов), отражающий основные характеристики степени доверия акторов и являющийся основой предсказуемого их поведения в будущем. Кроме того, в международной политической экономике даже выделяется термин «управление, основанное на отношениях» (реляционное управление) — гибкая модель и исполнительный механизм, базирующийся на консенсусе интересов и доверия (а не являющийся результатом переговорного процесса о соглашении), характеризуется неформальностью и необязательностью, имеет долговременную ориентированность. Данное управление лежит в основе стратегических союзов компаний, подразумевающих передачу интеллектуальной собственности, чтобы обеспечить упорядоченное функционирование сотрудничества в рамках альянса³.

Проблемы развития российско-китайских отношений были исследованы российскими, китайскими и западными исследователями. Среди российских авторов можно выделить работы В.А. Абрамова⁴, А.Д. Воскресенского⁵,

³ Чанье Лянь Цзунсян Цзяои Дэ Циюэ Чжили Юй Гуаньси Чжили Дэ Шичжэн Яньцзю [产业链纵向交易的契约治理与关系治理的实证研究] // Чжунго (Наньфан) Сюэшу Ван [中国(南方)学术网]. 2013. URL: http://www.southacademic.com/ztyj/shglysj/content/post_183565.html.

⁴ Абрамов В.А., Кучинская Т.Н. Комплексное понимание «китайского региона» как социоприродной системы // Известия ИГУ. Сер. «Политология. Религиоведение». 2009. № 1(3). С. 189—212.

⁵ Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990—2015) // Сравнительная политика: [сайт], 2015. № 1. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2015/sravnitel'naya-politika/1/8741>.

М.О. Коломийца⁶, В.В. Кукушкиной⁷, Е.И. Ганьшиной⁸, Е.Н. Грачикова⁹, А.В. Лукина¹⁰, С.Г. Лузянина¹¹, М.Л. Титаренко¹². Фэн Шаолэй¹³, Фан Тинтин¹⁴, Мэнь Хунхуа¹⁵, они написали статьи, посвященные различным аспектам, влияющим на взаимоотношения РФ и КНР. Динамике и перспективам развития отношений России и Китая посвящены

⁶ *Коломиец М.О., Кукушкина В.В.* Развитие российско-китайских отношений на современном этапе глобализации [Электронный ресурс] // А-фактор: научные исследования и разработки. 2019. № 3. URL: <http://www.a-factor.ru/archive/item/116-razvitie-rossijskokitajskikhотношений-na-sovremennom-etape-globalizatsii>.

⁷ Там же.

⁸ *Ганьшина Е.И.* Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2015. № 1. С. 88—97.

⁹ *Грачиков Е.Н.* Стратегия партнерских отношений КНР: опыт и его концептуализация (1993—2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 3. С. 83—93.

¹⁰ *Лукин А.В.* Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 3. С. 222—233.

¹¹ *Лузянин С.Г.* Россия — Китай: формирование обновленного мира; монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников. Предисл. В.А. Никонов. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.

¹² *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы / М.Л. Титаренко. М.: Форум, 2012. 543 с.

¹³ *Фэн Шаолэй.* История российско-китайских отношений и их современное значение // Россия в глобальной политике: [сайт]. 2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoriya-kitai-rossia/>.

¹⁴ *Фан Тинтин.* Развитие российско-китайского энергетического сотрудничества // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 96—103.

¹⁵ *Мэнь Хунхуа, Лю Сяоян.* Стратегия китайского партнерства: оценка и перспективы [门洪华, 刘笑阳: “中国伙伴关系战略评估与展望”] (на кит. яз.) // Мировая экономика и политика [世界经济与政治]: [сайт]. 2015. № 2. С. 65—95.

работы Пола Стронски¹⁶, Мохамата Зрейка¹⁷, Томаса Эдера¹⁸ и др.

При разработке данной статьи автор исследовала источники за период 2012—2021 гг. на русском, английском и китайском языках. Используемые автором при разработке темы исследовательской работы источники делятся на следующие группы:

- *К первой группе* относятся нормативно-законодательные и делопроизводственные источники (документы органов власти, в которых задекларированы государственные стратегии и концепции, двусторонние договоры и др.).
- *Ко второй группе* относятся публицистические источники (опубликованные в прессе и на официальных сайтах официальные заявления и выступления лидеров, государственных деятелей и дипломатов).

В основе работы лежит тематический анализ источников и литературы о глобальной сети партнерских отношений, который предполагает концептуализацию ее терминов в китайской дипломатии и определение ее структуры на современном этапе.

Рассмотрим ключевые термины и структуру глобальной сети партнерских отношений. В 2018 году на церемонии открытия Ежегодной конференции Боаоского азиатского форума Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин

¹⁶ *Stronski P., Ng N.* Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic [Electronic source] // Carnegie Endowment for international peace: [website], 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-centralasia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>.

¹⁷ *Zreik M.* Geopolitical Situation in Northeast Asia: Development of Sino-Russian Relations // RUDN Journal of Political Science. 2019. № 21 (3). P. 450—459.

¹⁸ *Eder T.S.* Sino-Russian Relations: The Impact of Central Asian Energy Resources // Vienna Journal of East Asian Studies. 2018. № 6 (1). P. 35—73.

озвучил принципы, лежащие в основе партнерских отношений КНР: «пять принципов мирного сосуществования», «новый путь межгосударственных отношений, которые представляют собой диалоги без конфронтации, партнерство без союзов», отказ от «игры с нулевой суммой», отказ от политики разорения соседа и злоупотребления своей силой¹⁹. Стратегия «партнеры, но не союзники» и концепция строительства глобальной сети партнерских отношений в числе данных принципов и являются центральными в современном внешнеполитическом дискурсе Китая.

Наличие пунктов во всех соглашениях о неприсоединении к блокам и ненаправленности партнерств против третьих стран является главной чертой внешнеполитических соглашений КНР. В основе глобальной партнерской сети КНР лежит принцип «партнеры, но не союзники». Требуют разъяснения определения «партнеров» и «союзников». «Союз» означает «долгосрочные политические и военные отношения, установленные двумя или более странами путем объединения их национальных сил для повышения безопасности», т. е. подразумевает и военную составляющую сотрудничества²⁰. «Партнерство» — это «участие в определенной организации или деятельности» группы стран. «Партнерство» подразумевает отсутствие «антагонизма и соблюдение принципа «поиска точек соприкосновения при сохранении разногласий», а также отказ от нападков на конкретную третью страну, т. е. Китай и некоторая страна достигли определенной степени доверия и не имеют принципиальных различий по основным вопросам (таким как Тибет,

¹⁹ Люе Тин, Цуй Юэ, Сяо Сяо [刘叶婷, 崔越, 肖骁]. Чжунго Вайцзяо Вэйшэмэ «Цзебань Бу Цземэн»? [中国外交为什么“结伴不结盟”?] // Жэньминьван [人民网]. 2019. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2019/1116/c429373-31458749.html>

²⁰ Там же.

Синьцзян, Тайвань и т. д.)²¹, но в то же время отказываются от объединения сил для противостояния другой стране. Таким образом, партнерские отношения, устанавливаемые Китаем, подразумевают взаимную выгоду, включают отказ от установления союзнических отношений, конфронтации и ненаправленность против третьих сторон, в том числе и отказ от объединения военных сил двух и более государств.

Первая пара отношений стратегического партнерства была установлена между Китаем и Бразилией еще в 1993 году. С тех пор КНР наладила партнерские отношения с более чем 100 странами и организациями. На XVIII съезде КПК в 2012 г. была определена задача построения «партнерских отношений глобального развития нового типа большего равенства и баланса». В 2014 году Си Цзиньпин отметил, что для КНР наступил период стратегических возможностей до 2020 г. В том же году, выступая на Центральном рабочем совещании по вопросам внешней политики, Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин высказал мысль о необходимости установления широких дружественных связей, а также провозгласил вступление китайской сети партнерских отношений, основанных на принципах неприсоединения к блокам и взаимного выигрыша, в новый этап²². В 2014 году министр иностранных дел Ван И на симпозиуме «Международная обстановка и китайская дипломатия 2014 г.» выступил с речью на тему «Обзор 2014 года: урожайный год для китайской дипломатии», в которой в числе важных сдвигов и выдающихся достижений Китая во внешнеполитической деятельности за 2014 год выделил формирование «одной огромной глобальной партнерской сети»²³.

²¹ Чжунго Хобань Дэ Сяньлюцзю Ден [中國夥伴的三六九等] // Дагун Ван [大公網]. URL: <https://web.archive.org/web/20160304201136/http://news.takungpao.com.hk/special/partner/>.

²² Там же.

²³ Жэнь Хуаньюй [任寰宇]. Чисюй Тачжань Цюанью Хобань Гуаньси Ванло (Гоцзи Шипин) [持续拓展全球伙伴关系网络 (国际时评)] // Жэньминь Ван [人民網]. 2019. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0803/c1002-31273858.html>.

Во время интенсивных межгосударственных визитов новой китайской руководящей группы в 2013 году многочисленные партнерства были преобразованы во «всесторонние стратегические партнерства». В 2019 году был сделан ряд совместных деклараций о дальнейшем углублении отношений «всестороннего стратегического партнерства»: с Кыргызстаном, Таджикистаном, Грецией.

В 2021 году КНР поддерживает дипломатические отношения со 180 странами, партнерские отношения заключены с более чем 100 государствами. Выделяются разные типы партнерств — в зависимости от областей сотрудничества и направленности.

Китайским партнерским отношениям присуща иерархичность, в соответствии с которой они делятся на три уровня: глобальные партнерские отношения, стратегические партнерские отношения и обычные партнерские отношения (табл. 1).

Таблица 1

**Классификация партнерских отношений КНР.
Дополнено и расширено автором²⁴**

Тип партнерских отношений	Название на китайском	Название партнерских отношений	Государства-партнеры
Глобальные партнерские отношения 全局性的伙伴关系	新时代全面战略协作伙伴关系	Отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху	Россия
Стратегические партнерские отношения	全面战略合作伙伴关系	Отношения всепогодного стратегического партнерства	Пакистан
	全面战略合作伙伴关系	Отношения всестороннего стратегического сотрудничества и партнерства	Мьянма, Таиланд, Бирма, Лаос, Кения, Гвинея, Камбоджа, Мозамбик, Вьетнам, Конго (Браззавиль), Сьерра-Леоне, Сенегал, Намибия, Зимбабве, Эфиопия

Продолжение табл. 1

Тип партнерских отношений	Название на китайском	Название партнерских отношений	Государства-партнеры
Стратегические партнерские отношения	面向21世纪全球全面战略伙伴关系	Отношения всеобъемлющего стратегического партнерства в XXI в.	Великобритания
	永久全面战略伙伴关系	Отношения долговременного всеобъемлющего стратегического партнерства	Казахстан
	全面战略伙伴关系	Отношения всеобъемлющего стратегического партнерства	ЕС, Греция, Украина, Египет, Италия, ОАЭ, Киргизия, Таджикистан, Беларусь, Индонезия, Казахстан, Перу, Алжир, Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Франция, ЮАР, Сербия, Наджиб, Дания, Мексика, Испания, Узбекистан, Египет, Аргентина, Португалия, Эквадор, Саудовская Аравия, Чили, Польша, Мексика, Австралия, Новая Зеландия, Монголия, Венгрия, Иран, АСЕАН, Малайзия, Южно-Африканский союз
	战略合作伙伴关系	Отношения стратегического сотрудничества и партнерства	США, Суринам, Шри-Ланка, Непал, Афганистан, Индия, Южная Корея, Бруней, Бангладеш, Конго (Киншаса)

Продолжение табл. 1

Тип партнерских отношений	Название на китайском	Название партнерских отношений	Государства-партнеры
Стратегические партнерские отношения	全方位战略伙伴关系	Отношения многопланового стратегического партнерства	Германия
	战略伙伴关系	Отношения стратегического партнерства	Туркменистан, Нигерия, Канада, Украина, Ангола, Катар, Коста-Рика, Иордания, Судан, Чехия, Марокко, Уругвай, Джибути, Боливия, Болгария, Ирландия
	友好战略伙伴关系	Отношения дружественного стратегического партнерства	Австрия
	创新战略伙伴关系	Отношения инновационного стратегического партнерства	Швейцария
Обычные партнерские отношения	全方位友好合作关系	Многоплановые партнерские отношения дружественного сотрудничества	Бельгия
	全方位合作关系	Многоплановые отношения партнерства и сотрудничества	Сингапур
	全面友好合作关系	Отношения всеобъемлющего партнерства, дружбы и сотрудничества	Румыния, Мальдивы
	全面合作关系	Всеобъемлющие стратегические партнерские отношения	Хорватия, Нидерланды, Восточный Тимор, Танзания, Либерия, Экваториальная Гвинея, Габон, Мадагаскар, Уганда
	友好伙伴关系	Дружественные партнерские отношения	Ямайка
	重要合作关系	Важное партнерское сотрудничество	Фиджи

Тип партнерских отношений	Название на китайском	Название партнерских отношений	Государства-партнеры
Обычные партнерские отношения	新型合作关系	Отношения партнерства и сотрудничества нового типа	Финляндия
	创新全面伙伴关系	Отношения инновационного всеобъемлющего партнерства	Израиль

Названия партнерских отношений определяют уровень двустороннего сотрудничества. На уровне «обычных партнерских отношений» страны сотрудничают в определенных аспектах экономики или политики, но могут иметь разногласия по ключевым вопросам. На первом уровне соглашения не содержат определения «стратегические» (战略), которые присутствуют в названиях второго типа. На уровне «стратегических партнерских отношений» страны уже вырабатывают долгосрочный план совместных действий для достижения определенных целей (например, политических, военных, экономических и др.). Глобальные партнерские отношения определяются как «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» и фокусируются на всеобъемлющем сотрудничестве и координации стратегий в экономике, политике и в сфере обеспечения безопасности, требуют как всестороннего взаимодействия, так и приверженности согласованию позиций по региональным и глобальным проблемам (например, в Совете Безопасности ООН). Таким образом, на глобальном уровне страны совместно берут на себя ответственность по обеспечению международной безопасности и стабильности, «берут на себя ответственность за формирование но-

²⁴ Мэнь Хунхуа, Лю Сяоян. Стратегия китайского партнерства: оценка и перспективы [门洪华, 刘笑阳: “中国伙伴关系战略评估与展望”] (на кит. яз.) // Мировая экономика и политика [世界经济与政治]: [сайт]. 2015. № 2. С. 65—95.

вого международного порядка»²⁵. Пока глобального уровня достигло только китайско-российское партнерство.

Далее рассмотрим основные сферы сотрудничества России и Китая. Межгосударственные отношения двух стран развиваются в условиях постоянной напряженности со странами Запада и США. Новый толчок к развитию они получили после 2014 года, гражданская война в Сирии (и вопрос применения химического оружия), иранская ядерная проблема и украинский кризис («Крымская весна») с последовавшими за ними санкциями в отношении России ярко высветили комплекс геополитических противоречий. Экономическое противостояние — «торговая война» — США и КНР 2018—2020 гг., а также «технологическая война», длящаяся с 2016 года, формируют условия для всестороннего сближения двух стран.

В совместном заявлении РФ и КНР 2016 года и в совместном заявлении о развитии «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» 2019 года подчеркивается основной принцип двусторонних отношений: «отношения между Россией и Китаем ... не носят союзнического характера и не направлены против третьих стран» (2016), «отказ от установления союзнических отношений, конфронтации и ненаправленность против третьих сторон» (2019)²⁶.

Однако, несмотря на то что отношения РФ и КНР не носят союзнического характера, что согласовывается с ки-

²⁵ Чжун Э Синь Шидай Цюаньмянь Чжаньюэ Сецзо Хобань Гуаньси Ии Шэньюань [中俄新时代全面战略协作伙伴关系意义深远] // Циши [即时]. 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/09/c_1210154013.htm.

²⁶ Чжун Э Юаньшоу Цяньшу «Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Хэ Элосы Ляньбан Гуаньюй Фачжань Синь Шидай Цюаньмянь Чжаньюэ Сецзо Хобань Гуаньси Дэ Ляньхэ Шэнмин» [中俄元首签署《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于发展新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明》] // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Чжунъян Жэньминь Чжэнфу [中华人民共和国中央人民政府]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-06/06/content_5397860.htm.

тайской политикой неприсоединения к альянсам, а также с позицией России, неоднократно подвергавшей критике альянс НАТО, Российская Федерация занимает особое место в сети партнерских отношений Китая. Заявление о развитии «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» — единственное подобное во внешней политике КНР и, согласно приведенной выше классификации (см. табл. 1), относится к типу глобальных партнерских отношений. Кроме того, в последние годы наблюдается расширение сотрудничества, в том числе и в военной сфере, что приближает двусторонние отношения к определению «союз» и отражается во внешнеполитической риторике лидеров государств. В совместном заявлении 2019 года сотрудничество в политической сфере, в сфере безопасности, практическое сотрудничество, а также гуманитарные обмены и международное взаимодействие были обозначены в качестве приоритетных направлений развития китайско-российских отношений²⁷.

Россия и Китай взаимодействуют на международных площадках, делают совместные заявления в адрес политики США. Представители обоих государств придерживаются мнения о суверенном равенстве всех членов ООН вне зависимости от их размера и политического устройства. 15 ноября 2017 года на заседании Генеральной Ассамблеи Россия и Китай осудили принятые резолюции о нарушении прав человека в Сирии и Иране, предложенные Саудовской Аравией. Особое значение для двух стран имеет сотрудничество на площадках G20, БРИКС и ШОС.

Отправной точкой переговоров по сопряжению российского и китайского проектов является «Совместное заявле-

²⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России: [официальный сайт], 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>

ние РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению ЭПШП²⁸ и ЕАЭС» с целью обеспечения устойчивого экономического роста и торговли между государствами — членами ЕАЭС и КНР 2015 года. Стратегическое направление сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП отражено в «Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами и Китайской Народной Республикой» от 17 мая 2018 г. Согласно исследованию аналитического центра Тайхэ Россия в 2018 году находилась на первом месте в рейтинге интеграции в рамках проекта «Один пояс, один путь»²⁹. Согласно совместному заявлению лидеров КНР и РФ 2019 года одной из целей сотрудничества провозглашалась «глубокая интеграция и сближение», а именно: координация в вопросах сопряжения национальных стратегий развития, расширение торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, взаимообогащение и сближение культур. Отдельно подчеркивалась необходимость активизации согласованных усилий по сопряжению Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Пояса и пути».

Россия и Китай заинтересованы в сохранении прочных основ энергетического партнерства, совместной разработке месторождений и создании предприятий. Так, «Роснефть» — один из лидеров поставок нефтепродуктов в КНР, с 2005 по 2017 год Компания поставила в Китай 230,6 млн тонн нефти. Кроме того, в связи с заявлением председателя КНР Си Цзиньпина о стремлении достичь к 2060 году углеродной нейтральности: компания «PetroChina» прогнозирует, что спрос на поставку газа в регионе в течение сле-

²⁸ Экономический пояс шелкового пути, который является проектом инициативы «Один пояс, один путь». Второй проект — «Морского Шелкового пути XXI века».

²⁹ Тай Хэ Чжику Юй Бэйцзин Дасюэ Ляньхэ Фабу «И дай И лу» У Тун Чжишу Янь Цзю Баогао [太和智库与北京大学联合发布“一带一路”五通指数研究报告] // Тай Хэ Чжику [太和智库]. 2018. URL: <http://www.taiheinstitute.org/Content/2018/12-24/0913043250.html>.

дующих 15 лет удвоится³⁰. В декабре 2019 г. президент России Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин дали старт поставкам российского природного газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири»³¹. Чжан Гаоли, заместитель премьера Госсовета КНР охарактеризовал его строительство как развитие российско-китайских отношений стратегического партнерства, которое играет весомую роль не только в процветании двух стран, но и в деле обеспечения мира и стабильности на планете³². Другой перспективной сферой сотрудничества в данной области является использование возобновляемых источников энергии и накопленный Китаем опыт в развитии солнечных станций.

Развивается и региональное сотрудничество двух государств. 2018—2019 годы были объявлены годами сотрудничества регионов Китая и России, создано два механизма сотрудничества — «Янцзы—Волга» и «Северо-Восток Китая и Дальний Восток России». Поскольку одним из приоритетных регионов развития для России является Дальний Восток, стоит отметить подписанные в 2018—2019 гг. «Программу развития сотрудничества на Дальнем Востоке до 2024 года», «План развития сельского хозяйства Северо-Востока Китая и Дальнего Востока и Байкальского региона России».

Пандемия COVID-19 нанесла серьезный удар по глобальной экономике. Актуальным направлением взаимодействия в рамках обоих механизмов в контексте глобальной рецессии представляется развитие торгово-экономического сотрудничества, в том числе наращивание взаимной торговли, создание финансовой и платежной инфраструктуры и продвижение институтов развития (например, деятельности

³⁰ China believes natural gas demand will SOAR [Electronic source] // RT: [website], 2021. URL: <https://www.rt.com/business/505016-china-natural-gas-demand-rise/>.

³¹ «Газпром» запустил газопровод «Сила Сибири» в Китай [Электронный ресурс] // Ведомости: [сайт], 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/12/02/817624-gaz-v-kitai>.

³² Газопровод «Сила Сибири»: новый этап российско-китайского сотрудничества [Электронный ресурс] // APICenter: [сайт], 2014. URL: <http://ru.apircenter.org/archives/3142>.

Нового Банка развития БРИКС и работы по созданию Банка ШОС). В рамках встречи премьеров 2019 г. была принята «дорожная карта» по стимулированию торговли товарами и услугами до 2024 года. Товарооборот между РФ и КНР за 2020 год достиг \$107.7 млрд, упав на 2,9% по сравнению с 2019 годом³³, что свидетельствует о достаточно устойчивых торгово-экономических связях. В 2021 году власти Китая планируют активизировать торгово-экономическое сотрудничество с Россией с целью увеличения двусторонней торговли до \$200 млрд³⁴. В 2019 году Россия и Китай заключили межправительственное соглашение о расчетах в национальных валютах. Россия заинтересована в дедолларизации, Китай — в интернационализации юаня, так что векторы интересов двух стран совпадают. Так, в первом квартале 2020 года доля доллара в торговле между Россией и Китаем впервые за всю историю упала ниже 50% — до 46%, по сравнению с 90% в 2015 г.³⁵

В соответствии с «Совместным заявлением между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» 2019 года, 2020—2021 годы были объявлены Годом российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества³⁶. В рамках встречи премьеров в

³³ Посол КНР: подана заявка на регистрацию китайско-российской вакцины CanSino Biologics и Petrovax [Электронный ресурс] // Интерфакс: новости: [сайт], 2009. URL: <https://www.interfax.ru/interview/755051>.

³⁴ China aims to boost trade with Russia to \$200 bln in 2021 [Electronic source] // TASS. Russian news agency: [website], 2021. URL: <https://tass.com/economy/1249895>.

³⁵ *Simes D.* China and Russia ditch dollar in move toward 'financial alliance' [Electronic source] // NikkeyAsia: [website], 2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-and-Russia-ditch-dollar-in-move-toward-financial-alliance>.

³⁶ Россия и Китай открыли Годы научно-технического и инновационного сотрудничества (2020—2021) [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: [сайт], 2019. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21430.

2019 году были приняты два соглашения о развитии сотрудничества в космосе: о создании объединенного Центра данных по исследованию Луны и дальнего космоса, а также по координации российской и китайской миссий исследования полярной области Луны³⁷.

Китайские корпорации также проявляют интерес к российскому рынку. Например, китайская компания «Huawei» и российская госкомпания «Автодор» в 2020 году подписали меморандум о взаимопонимании и выразили намерение вместе развивать скоростные автодороги в России³⁸. В 2020 году стало известно о планах китайского интернет-холдинга Alibaba Group о запуске в России платформы облачных услуг Alibaba Cloud.

Россия и Китай также сотрудничают для преодоления роста заболеваемости новой коронавирусной инфекции. В Китае будут производить российскую вакцину «Спутник V», страны договорились о создании совместной лаборатории по борьбе с COVID-19, Национальный фонд естественных наук Китая и Российский фонд фундаментальных исследований создали «Специальную программу сотрудничества по борьбе с COVID-19», была подана заявка на регистрацию китайско-российской вакцины CanSino Biologics и Petrovax³⁹.

Важным аспектом двусторонних отношений являются обязательства стран об оказании военной помощи при агрессии в отношении одного из союзников со стороны третьих сил. Несмотря на то что в совместном заявлении о развитии «всеобъемлющего партнерства и стратегическо-

³⁷ 24-я регулярная встреча глав правительств России и Китая [Электронный ресурс] // Правительство России: [сайт], 2019. URL: <http://government.ru/news/37872/>.

³⁸ «Автодор» и Huawei решили сотрудничать в развитии платных автодорог в РФ [Электронный ресурс] // Интерфакс: новости: [сайт], 2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/730351>.

³⁹ Посол КНР: подана заявка на регистрацию китайско-российской вакцины CanSino Biologics и Petrovax [Электронный ресурс] // Интерфакс: новости: [сайт], 2019. URL: <https://www.interfax.ru/interview/755051>.

го взаимодействия, вступающих в новую эпоху» не упоминаются требования о военном вмешательстве, данный пункт затронут еще в Статье 9 российско-китайского «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» 2001 года: в случае возникновения подобной ситуации: «Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»⁴⁰. Хотя данная статья не содержит обязательного условия оказания военной помощи, данный пункт аналогично сформулирован в Статье 4 Хартии НАТО («Стороны проводят консультации всякий раз, когда, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, территориальная целостность, политическая независимость или безопасность любой из Сторон находится под угрозой»⁴¹). И хотя страны НАТО имеют и иные, более серьезные гарантии взаимной безопасности, данный пункт в российско-китайском Договоре является признаком военного сотрудничества, которое выходит за рамки «партнерства».

Военные отношения Китая и России характеризуются визитами на высшем уровне, совместными учениями, партнерством в сфере военно-технического сотрудничества. С 2019 года Россия оказывает помощь Китаю в моделировании системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Предоставление Китаю со стороны России таких крайне сложных военных технологий, как система раннего предупреждения, означает дальнейшее расширение военного сотрудничества двух стран⁴². В 2019 году Информбюро Госсовета КНР выпустило новое издание «Белой книги по обороне» — открытой версии китайской военной доктрины. Количество упоминаний России в ней выросло с 2 в 2015 до 24 в 2019. Военные отношения двух стран оцениваются как высокоуровневые и «играю-

⁴⁰ Эксперты: помощь России Китаю в создании системы ПРО усилит его ядерные возможности [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт], 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7001064>.

⁴¹ The North Atlantic Treaty [Electronic source] // NATO: [official website]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm.

⁴² Там же.

шие важную роль в поддержании глобальной стратегической стабильности».

В отношениях РФ и КНР прослеживается тенденция к сближению, в том числе в военной сфере и на международных площадках, что является показателем высокого уровня взаимодействия и влияет на внешнеполитическую риторику лидеров государств. Если до 2018—2019 годов российская сторона также избегала определения «союзник» в отношении Китая», то в последние годы риторика изменилась. Так, в 2019 году В.В. Путин дал состоянию двусторонних отношений следующую характеристику: «Это союзнические отношения в полном смысле многопланового такого, стратегического партнерства»⁴³. Ранее пресс-секретарь президента Д.С. Песков описал участие китайских военных в российских стратегических командно-штабных учениях «Восток-2018» как «о расширении взаимодействия во всех сферах двух союзников». Представитель министерства иностранных дел Чжао Лицзянь заявил, что положительные отзывы президента РФ о китайско-российских отношениях отражают высокий уровень и специфику двусторонних отношений, уровень политического взаимного доверия и стратегического сотрудничества между Китаем и Россией и стал образцом для нового типа отношений крупных держав⁴⁴. Несмотря на то что формирование на официальном уровне союза представляется маловероятным по причине критического отношения в системе альянсов как с китайской, так и с российской стороны, сегодня значительный уровень развития партнерских отношений между Россией и Китаем очевиден и обладает высоким потенциалом развития.

⁴³ *Кашин В.Б.* Необъявленный союз. Как Россия и Китай выходят на новый уровень военного партнерства [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги: [сайт], 2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80096>.

⁴⁴ *Вайцзяо Бу* [外交部]: Чжун Э Хунъян Чуаньтун Юхао Мэйю Чжицзин, Тачжань Хэцзо Мэйю Цзиньцзюй [中俄弘扬传统友好没有止境, 拓展合作没有禁区] // Синьхуа Ван [新华网]: [сайт], 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/2020-10/23/c_1126650276.htm.

В 2021 году КНР поддерживает дипломатические отношения со 180 странами, партнерские отношения заключены с более чем 100 государствами и организациями. В основе внешнеполитических отношений КНР лежит принцип «партнеры, но не союзники», который подразумевает ненаправленность против третьих стран и отказ от объединения национальных сил — «партнерство» от «союза» отличает отсутствие высокого уровня сотрудничества в военной сфере (совместные военные учения, предоставление сложных военных технологий) и на международной арене.

Выделяются разные типы партнерств — в зависимости от областей сотрудничества и направленности — глобальные, стратегические и обычные. Названия партнерских отношений определяют уровень двустороннего сотрудничества. На уровне «обычных партнерских отношений» страны сотрудничают в определенных аспектах экономики или политики, но могут иметь разногласия по ключевым вопросам. На втором уровне соглашения содержат определения «стратегические», что подразумевает выработку долгосрочных планов совместных действий для достижения определенных целей. Глобальные партнерские отношения определяются как «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» и фокусируются на всеобъемлющем сотрудничестве и координации стратегий в экономике, политике и в сфере обеспечения безопасности, приверженности согласованию позиций по региональным и глобальным проблемам, на глобальном уровне страны берут на себя ответственность за формирование нового международного порядка⁴⁵. Пока глобального уровня достигло только китайско-российское партнерство, что выражает высокий уровень сотрудничества двух стран и отражается

⁴⁵ Хуаньцю Гуаньча. [寰球观察]. Чжун Э Синь Шидай Цюаньмянь Чжаньлюэ Сецзо Хобань Гуаньси Ии Шэньюань [中俄新时代全面战略协作伙伴关系意义深远] [Электронный ресурс] // Циши [即时]: [сайт], 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/09/c_1210154013.htm.

во внешнеполитической риторике лидеров государств. Перспективными сферами сотрудничества являются: совместные проекты в энергетической и инвестиционной сферах, переход на национальные валюты во взаимных расчетах, военно-техническое сотрудничество и высокие технологии. Несмотря на то что из-за отказа как Китая, так и России от создания союзов оформление его на официальном уровне представляется маловероятным, высокая значимость российско-китайского партнерства будет прослеживаться и в дальнейших заявлениях.

Список литературы и источников

1. 24-я регулярная встреча глав правительств России и Китая [Электронный ресурс] // Правительство России: [сайт], 2019. URL: <http://government.ru/news/37872/>.
2. «Автодор» и Huawei решили сотрудничать в развитии платных автодорог в РФ [Электронный ресурс] // Интерфакс: новости: [сайт], 2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/730351>.
3. *Абрамов В.А. Кучинская Т.Н.* Комплексное понимание «китайского региона» как социоприродной системы // Известия ИГУ. Сер. «Политология. Религиоведение». 2009. № 1 (3). С. 189—212.
4. Вайцзяо Бу [外交部]: Чжун Э Хунъян Чуаньтун Юхао Мэйю Чжицзин, Тачжань Хэцзо Мэйю Цзиньцюй [中俄弘扬传统友好没有止境, 拓展合作没有禁区] // Синьхуа Ван [新华网]: [сайт], 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/2020-10/23/c_1126650276.htm.
5. *Воскресенский А.Д.* Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990—2015) [Электронный ресурс] // Сравнительная политика: [сайт], 2015. №1. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2015/sravnitel'naya-politika/1/8741> (дата обращения: 17.03.2021).
6. «Газпром» запустил газопровод «Сила Сибири» в Китай [Электронный ресурс] // Ведомости: [сайт], 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/12/02/817624-gaz-v-kitai>.
7. Газопровод «Сила Сибири»: новый этап российско-китайского сотрудничества [Электронный ресурс] // APICenter: [сайт], 2014. URL: <http://ru.apircenter.org/archives/3142>.
8. *Ганьшина Е.И.* Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX в. // Вестник Российского университета

- дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2015. № 1. С. 88—97.
9. *Грачиков Е.Н.* Стратегия партнерских отношений КНР: опыт и его концептуализация (1993–2018) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 3. С. 83—93.
 10. *Жэнь Хуаньюй* [任寰宇]. Чисюй Тачжань Цюаньцю Хобань Гуаньси Ванло (Гоцзи Шипин) [持续拓展全球伙伴关系网络 (国际时评)] [Электронный ресурс] // *Жэньминь Ван* [人民网]: сайт, 2019. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0803/c1002-31273858.html>.
 11. *Кашин В.Б.* Необъявленный союз. Как Россия и Китай выходят на новый уровень военного партнерства [Электронный ресурс] // *Московский центр Карнеги*: [сайт], 2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80096>.
 12. *Коломиец М.О., Кукушкина В.В.* Развитие российско-китайских отношений на современном этапе глобализации [Электронный ресурс] // *А-фактор: научные исследования и разработки*: [сайт], 2019. № 3. URL: <http://www.a-factor.ru/archive/item/116-razvitiie-rossijskokitajskikhhotnoshenij-na-sovremennom-etape-globalizatsi> (дата обращения: 17.03.2021). Текст: электронный.
 13. *Лукин А. В.* Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху // *Россия в глобальной политике*. 2020. Т. 18, № 3. С. 222—233.
 14. *Лузянин С.Г.* Россия — Китай: формирование обновленного мира; монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников. Предисл. В.А. Никонов. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.
 15. *Лэй Шуан.* Концепция партнерства в современной китайской дипломатии // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2020. № 4. С. 113—124. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/113-124.
 16. *Люе Тин, Цуй Юэ, Сяо Сяо* [刘叶婷, 崔越, 肖骁]. Чжунго Вайцзяо Вэйшэмэ «Цзебань Бу Цземэн»? [中国外交为什么“结伴不结盟”?] [Электронный ресурс] // *Жэньминьван* [人民网]: [сайт], 2019. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2019/1116/c429373-31458749.html>.
 17. *Мокрецкий А.Ч.* Курс на создание сети партнерств или расширение круга друзей Пекина в новых условиях // *Политические процессы в условиях смены экономической модели*. 2016. С. 103—115.
 18. *Мэнь Хунхуа, Лю Сяоян.* Стратегия китайского партнерства: оценка и перспективы [门洪华, 刘笑阳: “中国伙伴关系战略评估与展望”] [Электронный ресурс] // *Мировая экономика и политика* [世界经济与政治]: [сайт], 2015. № 2. С. 65—95.

19. Посол КНР: подана заявка на регистрацию китайско-российской вакцины CanSino Biologics и Petrovax [Электронный ресурс] // Интерфакс: новости: [сайт], 2009. URL: <https://www.interfax.ru/interview/755051>.
20. Россия и Китай открыли Годы научно-технического и инновационного сотрудничества (2020—2021) [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: [сайт], 2019. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21430.
21. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху [Электронный ресурс] // Президент России: [официальный сайт], 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>.
22. Тай Хэ Чжику Юй Бэйцзин Дасюэ Ляньхэ Фабу «И дай И лу» У Тун Чжишу Янь Цзю Баогао [太和智库与北京大学联合发布“一带一路»五通指数研究报告] [Электронный ресурс] // Тай Хэ Чжику [太和智库]: сайт, 2018. URL: <http://www.taiheinstitute.org/Content/2018/12-24/0913043250.html>.
23. *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы / М.Л. Титаренко. М.: Форум, 2012. 543 с.
24. *Фэн Шаолэй.* История российско-китайских отношений и их современное значение [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике: [сайт], 2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoriya-kitai-rossia/> (дата обращения: 17.03.2021). Текст: электронный.
25. *Фан Тинтин.* Развитие российско-китайского энергетического сотрудничества // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 96—103.
26. Чжун Э Синь Шидай Цюаньмянь Чжаньлюэ Сецзо Хобань Гуаньси Ии Шэньюань [中俄新时代全面战略协作伙伴关系意义深远] [Электронный ресурс] // Циши [即时]: [сайт], 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/09/c_1210154013.html.
27. Чанье Лянь Цзунсан Цзяои Дэ Циюэ Чжили Юй Гуаньси Чжили Дэ Шичжэн Яньцзю [产业链纵向交易的契约治理与关系治理的实证研究] [Электронный ресурс] // Чжунго (Наньфан) Сюэшу Ван [中国(南方)学术网]: [сайт], 2013. URL: http://www.southacademic.com/ztyj/shglysj/content/post_183565.html.
28. Чжун Э Юаньшоу Цяньшу «Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Хэ Элосы Ляньбан Гуаньюй Фачжань Синь Шидай Цюаньмянь Чжаньлюэ Сецзо Хобань Гуаньси Дэ Ляньхэ Шэнмин» [中俄元首签署《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于发展新时代全面战略协作伙伴

- 关系的联合声明》] [Электронный ресурс] // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Чжунъян Жэньминь Чжэнфу [中华人民共和国中央人民政府]: [сайт], 2019. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-06/06/content_5397860.htm.
29. Чжунго Хобань Дэ Саньлюэцю Ден [中國夥伴的三六九等] [Электронный ресурс] // Дагун Ван [大公網]: [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20160304201136/http://news.takungpao.com.hk/special/partner/>.
 30. Эксперты: помощь России Китаю в создании системы ПРО усилит его ядерные возможности [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт], 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7001064>.
 31. China aims to boost trade with Russia to \$200 bln in 2021 [Electronic source] // TASS. Russian news agency: [website], 2021. URL: <https://tass.com/economy/1249895>.
 32. China believes natural gas demand will SOAR [Electronic source] // RT: [website], 2021. URL: <https://www.rt.com/business/505016-china-natural-gas-demand-rise/>.
 33. *Eder T.S.* Sino-Russian Relations: The Impact of Central Asian Energy Resources // Vienna Journal of East Asian Studies. 2018. № 6 (1). P. 35—73.
 34. *Simes D.* China and Russia ditch dollar in move toward ‘financial alliance’ [Electronic source] // NikkeyAsia: [website], 2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-and-Russia-ditch-dollar-in-move-toward-financial-alliance>.
 35. *Stronski P., Ng N.* Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic [Electronic source] // Carnegie Endowment for international peace: [website], 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-centralasia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>.
 36. The North Atlantic Treaty [Electronic source] // NATO: [official website]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm.
 37. *Zreik M.* Geopolitical Situation in Northeast Asia: Development of Sino-Russian Relations // RUDN Journal of Political Science. 2019. № 21 (3). P. 450—459.

*Ким Наталья Леонидовна,
2-й курс, бакалавриат, НИУ ВШЭ*

Влияние урбанизации на изменение института семьи: опыт Республики Корея

Аннотация

Статья посвящена изучению взаимосвязи между урбанизацией и трансформацией семьи в Республике Корея. Быстрое развитие экономики и урбанизации, а также агрессивная демографическая политика во второй половине XX в. привели не только к расшатыванию традиционных устоев корейского общества, но и значительному сокращению темпов воспроизводства, а также сглаживанию предпочтений в поле ребенка. Города сыграли важную роль, поскольку именно в них начинались все социально-экономические изменения.

Ключевые слова: *демографическая политика, рождаемость, фертильность, урбанизация, Республика Корея.*

Поддержание оптимальной численности населения необходимо для социально-экономического развития каждого государства. Однако стремительный рост экономики и урбанизации в Республике Корея (РК) во второй половине XX в. сопровождался значительными изменениями семейного уклада. Изменение ценностных ориентиров и модернизация общественных взглядов на роль семьи в обществе, а также ее устройство повлияли не только на процесс естественного воспроизводства населения, но и на воспитание детей. Исходя из этого, цель исследования — установление взаимосвязи между процессом урбанизации и трансформацией семьи в РК.

Демографическая ситуация в начале XX в.

Для изучения динамики естественного движения населения необходимо сначала дать характеристику корейской семье в начале XX в. Уровень рождаемости был высок в традиционном корейском обществе, поскольку было распространено раннее вступление в брак (до 16—18 лет) и рождение детей. При этом разводы были очень редким, можно даже сказать исключительным событием в общественной жизни. Подобные условия обеспечивали высокую фертильность на уровне 5—6 детей. В традиционном корейском обществе существовали сильные гендерные предпочтения. Мальчики были более желанными детьми, чем девочки¹, поскольку они воспринимались как продолжатели рода. Женщина, у которой не получалось родить сына, могла даже быть оставлена мужем или отвергнута его семьей². Долгое время гендерная и классовая принадлежность женщины определяла для нее жесткие рамки развития, мешающие получению качественного образования, вовлечению ее труда во благо общества³.

Экономический рост в РК и демографические перемены

С экономическим развитием благодаря повышению качества медицины значительно снизился уровень смертности. Это повлияло на увеличение показателя ожидаемой продолжительности жизни. Если в период 1925—1930 гг. он составлял 38 лет для мужчин и 37 лет для женщин, то с 1965 по 1970 г. его значение достигло 51 года для мужчин и 56 лет для женщин (табл. 1). К 2019 г. она увеличилась до 80 и 86 лет соответственно.

«Экономическое чудо на реке Ханган» потребовало вовлечения труда женщин в экономику и повышения уровня их образования. Постепенно карьера встала на одну ступень ценностей с семьей, а сегодня и вовсе стала приоритетной для большого количества девушек. По этой причине

в РК значительно увеличился средний возраст вступления в брак и рождения первенца. Если в 1925 г. средний возраст вступления в брак для мужчин составлял 21 год, а для женщин — всего 17 лет, то в 2018 г. — 33 и 30 лет соответственно (рис. 1).

Из-за большой конкуренции на рынке труда и риска потерять возможность вернуться на прежнее положение после декрета перед женщинами встает выбор: строить карьеру или заботиться о семье. Если в 1970-х гг. среди женщин от 30 до 34 лет был лишь 1% незамужних, среди мужчин того же возраста — 6% неженатых, то в 2000-х гг. доля незамужних и неженатых людей 30—34 лет повышается до показателей 11 и 28% соответственно (рис. 2). При этом в 2015 г. среди женщин 30—34 лет — 38% незамужних, а среди женщин 25—29 лет — 77%.

Для анализа изменения процессов воспроизводства необходимо изучить динамику общего коэффициента рождаемости (количество рожденных в течение данного года на 1000 человек) и общего коэффициента фертильности (среднее число младенцев, приходящееся на одну женщину за ее репродуктивный период). Если в 1925—1930 гг. общий коэффициент рождаемости достигал 45, а общий коэффициент фертильности — 6,2, то к 1965—1970 гг. показатели снизились до 32 и 4,6 соответственно (рис. 3). В 2019 г. общий коэффициент фертильности опустился до значения меньше единицы, что означает, что не каждая женщина в РК рождает хотя бы одного ребенка (рис. 3). Некоторые из них предпочли вовсе не иметь детей. Таким образом, стремительное снижение темпов рождаемости и одновременное увеличение продолжительности жизни создали условия для начала естественной убыли населения, которое ожидается в ближайшем десятилетии. Этот вопрос делает проблему старения населения особо актуальной, ведь она приведет к сокращению доли налогоплательщиков при увеличении доли пожилых людей в ближайшем будущем.

Демографическая политика РК в 1970-х гг.

Большой вклад в снижение рождаемости внесла демографическая политика РК. Резкий рост рождаемости в послевоенное время привлек внимание правительства к данной проблеме. В 1963 г. министерство здравоохранения и социального обеспечения разработало программу семейного планирования и поставило цель — снизить естественный прирост населения (разница между количеством родившихся и умерших за период времени) до показателя 2 в 1971 г.

Рассмотрим динамику постеров программы семейного планирования в РК. В 1970-х гг. темпы прироста населения сократились вдвое, но гражданам по-прежнему было рекомендовано иметь только двух детей вместо трех. Одной из причин, по которой люди хотели более 2—3 детей, было желание иметь сына. Если у семейной пары было три дочери, женщина продолжала пытаться родить наследника. Государство активно включилось в борьбу с гендерной дискриминацией⁴, пропагандируя слоган «Нет разницы между дочерью и сыном. Давайте иметь только двоих детей и воспитывать их хорошо!» (рис. 4).

В середине 1970-х гг. использование контрацепции мужчинами поощрялось, а государство спонсировало добровольную вазэктомию. На рис. 5 мы видим надпись: «Какой метод хорош?» Мужчина, кричащий «я займусь этим!» бежит к призу, на котором написано «Планирование семьи», а на его майке надпись «мужская контрацепция».

Демографическая политика РК в 1980-х гг.

Общий коэффициент фертильности опустился ниже 2 в 1980-х гг., что является порогом замещения поколений. Это стало результатом более активных усилий по снижению рождаемости в стране: если в 70-х годах поощрялось появление двух детей, то в 80-х годах — только одного ребенка. Постоянной темой кампаний по планированию семьи 80-х годов является проблема перенаселения. На постерах

того времени были представлены такие слоганы как: «два ребенка — это уже много!» (рис. 6), «семья полная любви, один здоровый ребенок» (рис. 7).

Демографическая политика в РК в 2000-х гг.

Однако столкнувшись с самыми низкими показателями рождаемости в мире в начале 2000-х гг., РК изменила политику планирования семьи, пытаясь стимулировать рождение детей. Изменились и слоганы на постерах, например, «Мама, папа, мне не нравится быть одному! Я хочу брата или сестру» (рис. 8), «Много свечей горят ярче, чем одна» (рис. 9).

Демографическое развитие в городе и деревне

Следует заметить, что тенденция резкого снижения рождаемости особенно затронула крупные города, ведь они всегда стояли в авангарде демографического развития страны. Если сравнить динамику коэффициентов фертильности и рождаемости, то их значения всегда выше в деревнях. Например, в 1990 г. общий коэффициент рождаемости был 14,1 в городах и 16,7 в деревнях, а в 2019 г. — 4,2 и 6,5 соответственно (рис. 10).

В 1997 г. коэффициент фертильности составил 1,43 в городе и 1,82 в деревне, а в 2019 году уменьшился до 0,93 и 1,35 соответственно (рис. 11).

Выводы

Подводя итоги, необходимо пояснить, какое влияние оказало развитие городов на институт южнокорейской семьи. Прежде всего, детей в средней семье стало меньше. Граждане стали более ответственно подходить к вопросу рождения и воспитания детей. Девочки в настоящее время — не менее желанные дети, чем мальчики. Кроме того, популяризация городского образа жизни привела к «рассшатыванию» конфуцианских устоев, ведь все большее количество детей не желают оказывать финансовую помощь

родителям в старости. По этой причине работающее поколение теперь не воспринимает детей как будущих кормильцев. Однако нужно учитывать, что города значительно опережают деревни в скорости демографических изменений, а значит, — все описанные нами тенденции именно в городах проявляются особенно ярко.

Приложение

Таблица 1

Динамика ожидаемой продолжительности жизни в Республике Корея с 1925 по 2019 г.^{5,6}

Период	Ожидаемая продолжительность жизни	
	Мужчины	Женщины
1925—1930	37,9	37,2
1930—1935	40,4	40,1
1935—1940	40,4	41,7
1940—1945	42,0	44,8
1955—1960	46,9	52,5
1960—1965	48,1	53,5
1965—1970	50,8	56,5
2019	79,7	85,7

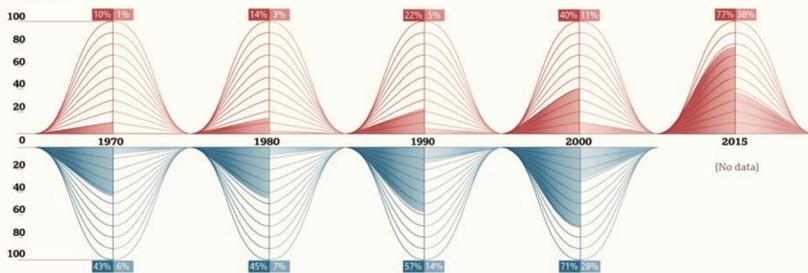

Рис. 1. Динамика среднего возраста вступления в брак в Республике Корея^{7,8}

Staying single

Marriage rates among South Koreans of childbearing age – both men and women – have plummeted over the last few decades.

South Koreans not having been married
% population

UN Population Division, 2017

Рис. 2. Динамика среднего возраста вступления в брак в Республике Корея⁹

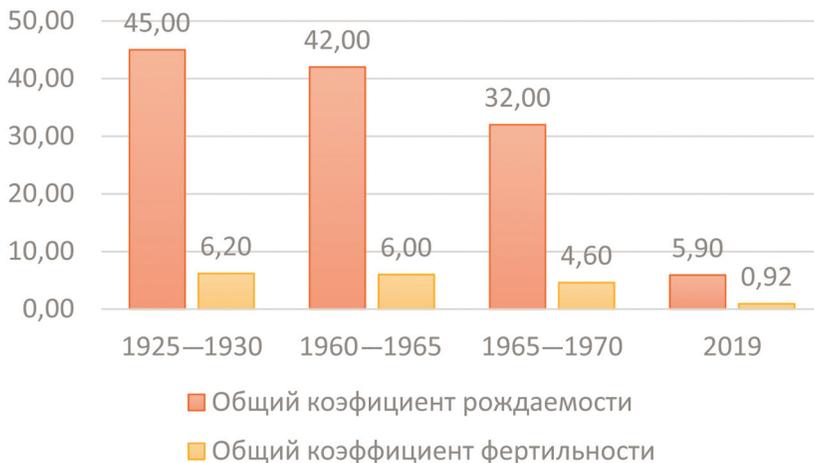

Рис. 3. Динамика общих коэффициентов рождаемости и фертильности в Республике Корея с 1925 по 2019 г.^{10,11}

Рис. 4. Постер программы семейного планирования в 1970-х гг.¹²

Рис. 5. Постер программы семейного планирования в 1970-х гг.¹³

Рис. 6. Постер программы семейного планирования в 1980-х гг.¹⁴

Рис. 7. Постер программы семейного планирования в 1980-х гг.¹⁵

Рис. 8. Постер программы семейного планирования в 2010-х гг.¹⁶

Рис. 9. Постер программы семейного планирования в 2010-х гг.¹⁷

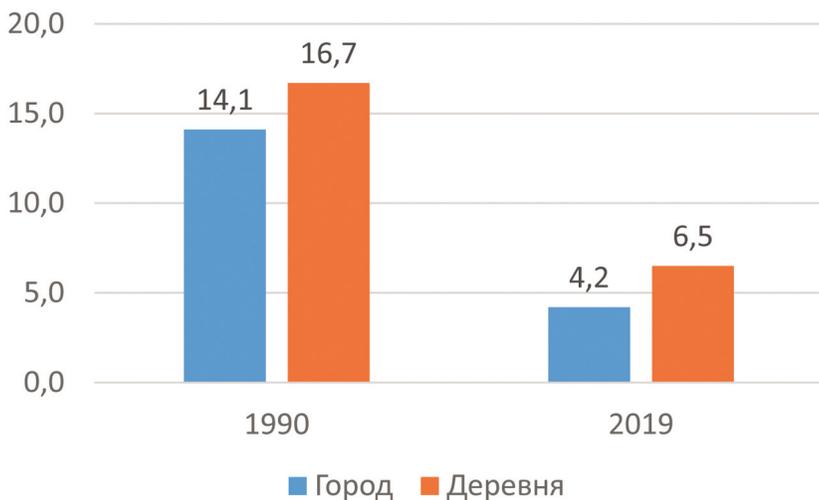

Рис. 10. Динамика коэффициента рождаемости в РК¹⁸

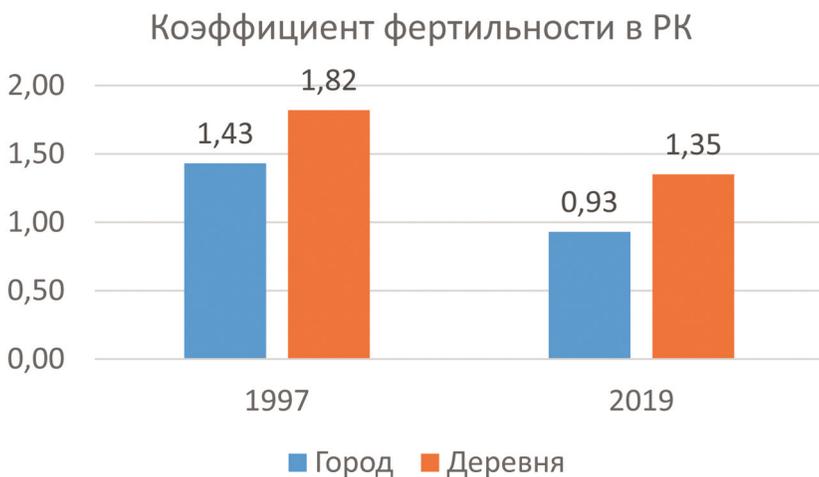

Рис. 11. Динамика коэффициента фертильности в РК¹⁹

¹ *Chung W., Das Gupta M.* Why is Son Preference Declining in South Korea? The Role of Development and Public Policy, and the Implications for China and India. World Bank Policy Research Working Paper No. 4373, October 2007.

² *Kim D.-S.* Theoretical Explanations of Rapid Fertility Decline in Korea // *The Japanese Journal of Population*, Vol. 3, No. 1 (June 2005), pp. 2–25.

³ *Chung J.* Development, work and family in the making of Korean working women. PhD diss. University of Toronto, 1996.

⁴ *Kim D.-S.* Missing Girls in South Korea: Trends, Levels and Regional Variations // *Population*, 2006, Vol. 59, No. 6, pp. 865–878.

⁵ *Lee H.-Y.* Demographic transition in Korea // *Bulletin of the Population and Development Studies Center*, 1980, Vol. 8/9, pp. 5–18.

⁶ Korean Statistical Information Service (KOSIS). URL: http://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01&statId=1962001&themeId=#A11.3 (дата обращения 20.04.2020).

⁷ *Lee H.-Y.* Op. cit. P. 8.

⁸ KOSIS. Op. cit.

⁹ *Quick M.* South Korea's population paradox. BBC, October 14, 2019. URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20191010-south-korea-as-population-paradox> (дата обращения 20.04.2020).

¹⁰ *Lee H.-Y.* Op. cit. P. 7.

¹¹ KOSIS. Op. cit.

¹² Koreabridge. An Illustrated History of Family Planning in Korea. September 30, 2011. URL: <http://koreabridge.net/post/illustrated-history-family-planning-korea-intraman> (дата обращения 20.04.2020)

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ KOSIS. Op. cit.

¹⁹ Ibidem.

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ЯЗЫК И ИСКУССТВО СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

*Орлова Елена Александровна,
3-й курс бакалавриата НИУ ВШЭ*

Юридические проблемы торговли произведениями искусства в КНР

Аннотация

В ходе изучения нормативно-правовой базы КНР и анализа соответствующих судебных кейсов автор выделяет следующие проблемы, характерные для китайского художественного рынка: отсутствие четкого определения «произведения искусства», уклонение от оплаты приобретенного лота и анонимный выкуп собственных лотов на аукционах, проблемы в определении подлинности произведений и незаконная торговля.

Ключевые слова: *Китай, искусство, торговля, законодательство.*

Китай — самый быстрорастущий рынок искусства в мире. Согласно отчету о международном рынке искусства 2017 г., представленному ярмаркой Art Basel совместно с финансовым холдингом UBS Group, в 2017 г. сумма всех аукционных сделок Китая составила 34% от общего мирового объема. По данному показателю Китай опередил лидеров мирового арт-рынка: США (32%) и Великобританию (18%). Однако по сумме сделок, совершенных как на аукционах, так и через художественные галереи и арт-дилеров, Китай занял третье место после США и Великобритании¹. Эту позицию Китай сохранил и в 2019 г.² В это же время правительство Китая последовательно принимает законы и положения, регулирующие данную сферу.

Объектом данного исследования является художественный рынок КНР, включающий в себя торговлю как классическим, так и современным искусством.

Предметом исследования являются правовые аспекты регулирования арт-рынка на примере законов КНР.

Цель работы: определить специфику основных правовых регуляторов торговли произведениями искусства в КНР.

В качестве основного метода в работе использован формально-юридический метод. С его помощью были проанализированы действующие в КНР правовые нормы, затрагивающие область торговли произведениями искусства, с целью определить структуру правовых явлений, их место и роль в правовой системе КНР.

Эмпирическую основу исследования составляют такие нормативные правовые акты КНР, как «Закон об охране культурного наследия КНР», «Меры по регулированию торговли предметами искусства», «Критерии классификации культурных ценностей», «Закон об аукционах КНР», «Закон об авторском праве КНР» и др.

Понятие и общая характеристика произведений искусства в законодательстве КНР

Принятые в 2016 г. «Меры по регулированию торговли предметами искусства» определяют «произведения искусства» как произведения живописи, каллиграфии, печати, а также скульптуры и скульптурные работы, произведения художественной фотографии, инсталляции, произведения декоративно-прикладного искусства³.

В «Законе об охране культурного наследия КНР» содержится более подробная, хотя и довольно общая характеристика культурных реликвий, к которым относятся древние архитектурные сооружения, важные современные исторические места, ценные произведения искусства и ремесленные изделия разных исторических периодов, документы, типичные материальные объекты, отражающие общественный строй или жизнь разных национальностей⁴.

Все культурные учреждения обязаны классифицировать культурные реликвии, находящиеся в их коллекции, так

как вышеперечисленные объекты обладают разной культурной ценностью.

Изданные в 2001 г. «Критерии классификации культурных ценностей» (文物藏品定级标准 *вэньбу цзанпинь динцизи бяочжунь*) делят все движимые культурные реликвии на «драгоценные» (珍贵文物 *чжэньгуэй вэньбу*) и «обычные» (一般文物 *ибань вэньбу*). Драгоценные делятся также на культурные реликвии первого, второго и третьего класса. Культурные реликвии первого класса имеют особенно важную (特别重要的价值 *тэбэй чжунъяодэ цзячжи*) историческую, художественную или научную ценность. Культурные реликвии второго, третьего класса и «обычные» культурные реликвии имеют соответственно «важную» (重要的价值 *чжунъяодэ цзячжи*), «относительно важную» (比较重要的价值 *бицзяо чжунъяодэ цзячжи*) и «определенную» (一定的价值 *идиндэ цзячжи*) ценность⁵.

Исследователи Т. Лау и М. Дутра считают, что, несмотря на важность этой меры, в реальности классифицировать культурные реликвии проблематично. Существующие критерии требуют уточнения: культурные реликвии должны быть разделены на категории (например, каллиграфия и живопись, скульптура, монеты, оружие и т. д.); эти категории, в свою очередь, должны разделяться на подкатегории (например, живопись тушью, масляная живопись)⁶.

Предложенные характеристики и методы классификации определены нечетко и подвержены субъективной интерпретации: фактически нет точных критериев, по которым можно определить степень ценности предмета искусства или провести границу между «драгоценными» и «обычными» реликвиями⁷.

Актуальные проблемы правоприменительной практики: кейсы

Среди наиболее частых проблем, с которыми сталкиваются участники торговой деятельности, можно выделить уклонение от оплаты товара на аукционе, выкуп собственных лотов. Далее будут рассмотрены кейсы, связанные с урегулированием этих вопросов.

Гао Пэйчжи против Nanjing Art Auction Co., Ltd. Нанкинский промежуточный народный суд⁸.

Спор между Гао Пэйчжи и аукционом Nanjing Art Auction Co., Ltd. состоялся в 1999 г. Истец, Гао Пэйчжи, потребовал от аукционного дома выплату компенсации за нарушение контракта.

В 1997 г. Гао Пэйчжи и аукционная компания заключили договор о выставлении реликвий на торги, согласно которому на все предметы была установлена резервная цена: продавец должен получить эту цену за товар, даже если он не был продан. На аукционе было представлено 10 предметов из коллекции Гао Пэйчжи. Оказалось, что самая высокая предложенная цена на 8 из 10 предметов не достигла резервного уровня, но вопреки закону сделки были заключены. Затем выяснилось, что покупателем, предложившим наибольшую цену за один из двух лотов, превысивших резервную цену, оказался сам Гао Пэйчжи. Однако Закон об аукционах предусматривает, что клиент не имеет права участвовать в торгах⁹. Покупатель второго лота, превысившего резервную цену, не оплатил покупку.

Таким образом, была нарушена процедура проведения аукциона. Промежуточный народный суд г. Нанкина отклонил иск Гао Пэйчжи, но обязал аукционную компанию возместить истцу ущерб.

Этот кейс показывает, что еще 20 лет назад аукционные дома были центром для махинаций, из них наиболее распространенные — уклонение от оплаты приобретенного на аукционе лота и выкуп собственных товаров участниками аукциона, чтобы искусственно повысить стоимость произведения искусства. Не следовали закону и сами аукционные дома, незаконно заключая сделки о продаже лотов.

Спор по поводу подлинности картины Сюй Бэйхуна «Мисс Цзян Бивэй»

Однако не все дела настолько очевидны. В некоторых случаях закон не может дать однозначного ответа.

В 2011 г. широкий резонанс в китайском сегменте Интернета получило открытое письмо нескольких выпускников Центральной академии изящных искусств (Пекин), в котором они заявляли, что проданная годом ранее на аукционе картина художника Сюй Бэйхуна «Мисс Цзян Бивэй», — это на самом деле работа одного из них¹⁰.

В 2010 г. картина Сюй Бэйхуна была продана на аукционе, проводимом аукционным домом Beijing Jiuge International Auction Co., Ltd. за рекордную сумму 72,8 млн юаней. Подлинность картины подтверждалась письменным заявлением сына художника и его фотографией с ней¹¹.

Иллюстрация 1. Сюй Бэйхун, «Мисс Цзян Бивэй»

Источник: Тэнсюнь синьвэнь. 16.09.2011. URL: <https://view.news.qq.com/a/20110917/000017.htm> (дата обращения: 20.08.2020).

Однако через год после продажи картины на сайте газеты «南方周末» (*Наньфан чжоумо*) появилось открытое письмо «Поддельная картина Сюй Бэйхуна» десяти студентов Центральной академии изобразительных искусств. Они утверждали, что эта работа создана одним из студентов во время обучения в Академии в 1983 г., когда все они рисовали подобные портреты натурщицы¹².

**Иллюстрация 2. Фото сына Сюй Бэйхуна с картиной
«Мисс Цзян Бивэй»**

Источник: Тэнсюнь синьвэнь. 16.09.2011. URL: <https://view.news.qq.com/a/20110917/000017.htm> (дата обращения: 20.08.2020).

**Иллюстрация 3. Работы студентов Центральной академии
изобразительных искусств**

Источник: Тэнсюнь синьвэнь. 16.09.2011. URL: <https://view.news.qq.com/a/20110917/000017.htm> (дата обращения: 20.08.2020).

История получила большой резонанс. С одной стороны, студенты предоставили написанные в 1983 г. свои варианты работы, которые были чрезвычайно схожи с картиной Сюй Бэйхуна. То, что студенты учились рисовать в подобном стиле, подтвердил и их преподаватель. Современный

китайский живописец Чэнь Даныцин также утверждал, что эта картина не имеет ничего общего с живописью Сюй Бэйхуна: «Я удивлен, что они не могут отличить работу 1920-х гг. от 1980-х гг., а также не видят разницы между внешностью южных и северных девушек»¹³.

С другой стороны, аукционная компания заявляла, что подлинность картины была подтверждена экспертизой известных иностранных коллекционеров. Об этом свидетельствовало и признание работы сыном художника¹⁴.

В итоге дело было замято и не попало в суд, однако выявило проблемы в законодательстве КНР. Существующие в стране государственные структуры по оценке культурных реликвий не справляются с определением подлинности произведений искусства. Аукционы, в свою очередь, не гарантируют подлинность выставляемых товаров и не несут ответственности за неумышленную продажу поддельных произведений.

Незаконная торговля произведениями искусства в КНР

История незаконной торговли произведениями искусства и антиквариатом в Китае насчитывает около двух тысяч лет: первые письменные свидетельства этой проблемы были зафиксированы в период правления империи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.)¹⁵. С начала 1990-х гг. возросший мировой спрос на азиатское искусство и антиквариат не только расширял законный рынок, но и стимулировал торговлю незаконно добытыми и вывезенными предметами искусства. Хотя правительство КНР совершенствует законодательство для предотвращения контрабанды и фальсификаций, обороты торговли на незаконном художественном рынке не снижаются.

Объем товарооборота на черном рынке антиквариата и произведений искусства занимает третье место в мире после контрабанды наркотических веществ и оружия. Д. Мерфи отмечает, что чаще всего из Китая вывозят предметы антиквариата¹⁶.

По подсчетам Китайского общества культурных реликвий, с 1840 г. Китай потерял более 10 млн предметов антиквариата из-за краж в военное время и незаконных раскопок. В стране могут постоянно действовать до 100 тыс. расхитителей гробниц¹⁷. Государственные ресурсы не позволяют эффективно пресекать расхищения, поэтому расхитители открыто общаются на форумах, делятся опытом и предлагают друг другу помощь¹⁸.

Чаще всего предметы антиквариата имеют небольшой размер, легко транспортируются и имеют при этом высокую цену¹⁹. В ответ на эту угрозу многие азиатские юрисдикции наложили дополнительные ограничения на аукционные дома и продажи, действующие на их территории.

Важным исключением, однако, является Гонконг. Географическое положение, материально-техническая база, финансовая и политическая стабильность, а также статус свободного порта делают его главным рынком искусства в азиатском регионе.

Гонконг — единственная юрисдикция в Азии, которая предоставляет юридическую защиту покупателям краденых предметов искусства и антиквариата²⁰. Ее обеспечивает правило «открытого рынка», или «публичного рынка» (*the rule of market overt*). Согласно нему, любое лицо, приобретающее предметы искусства на гонконгском художественном рынке, сохраняет за собой право собственности на товар. Первоначальный владелец не сможет подать иск, если покупатель не знал о незаконном происхождении товара. Правило остается в силе, если украденный предмет вывозится в другую юрисдикцию²¹. Поэтому торговцы произведениями искусства используют гонконгский рынок, чтобы узаконить краденые предметы искусства и обеспечить им хороший провенанс для последующей перепродажи.

Например, во время споров вокруг попытки Christie's в Париже в 2009 г. продать две бронзовые головы крысы и зайца из фонтана Зодиака Старого летнего дворца в Пекине, разграбленного англичанами и французами в 1860 г., было отмечено, что последние аукционные продажи

«головок» состоялись в Гонконге в 2000 г. Китайские власти раскритиковали эти торги: продажа разграбленного наследия напоминала об унижении колониальной эксплуатации Китая. Однако покупателем голов стал пекинский Poly Art Museum. Тем не менее Пекин заявил, что в будущем не следует делать таких покупок, чтобы не легитимировать подобные аукционы²².

Транзитным положением Гонконга пользуются не только китайские предприниматели, но и иностранцы. Свидетельство его использования контрабандистами как удобного транзитного пункта подтвердилось в ходе расследования по делу нью-йоркского арт-дилера Субхаша Капура. Было обнаружено, что перевозка большей части из 3000 артефактов, похищенных в Индии, Пакистане, Камбодже и Тибете, в Европу и Азию осуществлялась через Гонконг²³.

В целях борьбы с незаконной торговлей Китай ужесточает таможенную политику, вводит запрет на торговлю краденными предметами искусства на аукционах, располагающихся на материковом Китае²⁴. Однако некоторые исследователи указывают на распространенный в Китае феномен «элегантного подкупа» (雅贿 *яхуэй*), когда произведения искусства становятся инструментами коррупции. Помимо того, что такая форма взятки привлекательна для чиновников, желающих упрочить свой статус, она также гарантирует большую прибыль, ее гораздо сложнее отследить и привлечь виновных к ответственности из-за отсутствия квитанций и записей о транзакциях. В случае подозрения взяточник может заявить, что произведения искусства являются поддельными²⁵.

Заключение

Исследование выявило основные тенденции и проблемы, связанные с системой правового регулирования торговли произведениями искусства в КНР.

Государство пытается проводить двойственную политику: с одной стороны, обеспечить условия для частной торгов-

ли на художественном рынке, а с другой — сосредоточить в своих руках контроль над ним, сталкиваясь при этом с рядом трудностей. В законодательстве дано расплывчатое определение предметов искусства, а установленные в законодательстве характеристики и методы классификации предметов искусства определены нечетко и субъективны.

Несмотря на попытки правительства адаптировать законодательство под существующие реалии, зачастую ему бывает непросто успеть за стремительно развивающимся художественным рынком. Отсюда возникают проблемы, связанные с судебным регулированием: например, действующее законодательство не в силах разрешить споры, связанные с установлением оригинальности произведений искусства. Кроме того, это влечет за собой проблемы, характерные для вторичного сектора китайского художественного рынка: уклонение от оплаты приобретенного лота и анонимный выкуп собственных предметов искусства.

Однако, если данные действия караются законодательством КНР, то существующее в Гонконге правило «общедоступного рынка», напротив, делает город-государство легальным местом для «отмывания» произведений искусства, чем пользуются как азиатские, так и европейские спекулянты.

¹ The Art Market 2017 // Art Basel. URL: https://d33ipftjqrd91.cloudfront.net/asset/cms/Art_Basel_and_UBS_The_Art_Market_2017.pdf (дата обращения: 17.08.2020).

² The Art Market 2019 // Art Basel. URL: https://d2u3kfw92fzu7.cloudfront.net/The_Art_Market_2019-5.pdf (дата обращения: 17.08.2020).

³ Чжунхуа жэньминь гунхэго вэньхуабу лин (Указ министерства культуры КНР) «Ишупинь цзиньгян гуаньли баньфа (Меры по регулированию торговли предметами искусства)» от 17 декабря 2015 г. № 56 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу ван (Сайт Центрального народного правительства КНР). URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5070760.htm (дата обращения: 19.08.2020).

⁴ Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуси лин (Указ Председателя КНР) «Чжунхуа жэньминь гунхэго вэньу баоху фа (Закон об охране культурного наследия КНР)» от 19 ноября 1982 г. // Цюаньго жэньда чанвэйхуэй ван (Сайт Постоянного Комитета ВСНП). С изм. и допол. в ред. от 11.04.2017. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201711/f7f1401d1e654236bc106c99c4d33d33.shtml> (дата обращения: 19.08.2020).

⁵ Чжунхуа жэньминь гунхэго вэньхуабу лин (Указ министерства культуры КНР) «Вэньу цзанпинь динцизи бяочжунь (Критерии классификации культурных ценностей)» от 5 апреля 2001 г. № 19 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуньян жэньминь чжэнфу ван (Сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики). URL: http://www.gov.cn/banshi/2005-08/21/content_25093.htm (дата обращения: 19.08.2020).

⁶ *Lau T.* The Grading of Cultural Relics in Chinese Law // International Journal of Cultural Property. 2011. Vol. 18. № 1. P. 5.

⁷ *Dutra M.* Sir How Much is that Ming Vase in the Window? Protecting Cultural Relics in the People's Republic of China // Asian-Pacific Law & Policy Journal. 2004. Vol. 5. P. 88—89.

⁸ Гао Пэйчжи су Наньцин ишупинь паймай юсянь гунсы вэйтохэтун ань (Гао Пэйчжи подает иск к Нанкинскому художественному аукциону за нарушение договора) // Database of Chinese Trial Cases. URL: <http://www.chncase.cn/case/case/2156938> (дата обращения: 19.08.2020).

⁹ Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй чану вэйюаньхуэй лин (Указ Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей) «Чжунхуа жэньминь гунхэго паймайфа (Об аукционах КНР)» от 5 июля 1996 г. // Чжунхуа жэньминь гунхэго шанубу тьяоюэ фалюйсы ван (Сайт договорно-правового департамента министерства коммерции КНР). 05.11.2018 г. С изм. и допол. в ред. от 24.04.2015. URL: <http://tfs.mofcom.gov.cn/article/ba/bh/201811/20181102803073.shtml> (дата обращения: 19.08.2020).

¹⁰ Сюй Бэйхун 7280 вань тяньцзя хуацзо бэй чжи ши вэйцзо чжуаньфан цзюйбаожэнь (Эксклюзивное интервью с человеком, заявившим, что проданная по рекордной цене в 72,8 млн юаней картина Сюй Бэйхуна – подделка) // Тэнсюнь синьвэнь. 16.09.2011. URL: <https://view.news.qq.com/a/20110917/000017.htm> (дата обращения: 20.08.2020).

¹¹ Там же.

² Чжэ ши Сюй Бэйхун дэ цзопинь, хайши вомэнь дэ сицзо? (Это работа Сюй Бэйхуна или наши этюды?) // Шицзячжуан мэйшугуань. 19.01.2012. URL: <http://www.sjzmsg.cn/a/2012/01/19/1326963336203.html> (дата обращения: 20.08.2020).

¹³ Сюй Бэйхун 7280 вань тяньцзя хуацзо... 2011.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Manacorda S., Chappell D.* Crime in the Art and Antiquities World // *Illegal Trafficking in Cultural Property*. New York: Springer, 2011. P. 94.

¹⁶ *Murphy D. J.* The People's Republic of China and the Illicit Trade in Cultural Property: Is the Embargo Approach the Answer? // *International Journal of Cultural Property*. 1994. Vol. 3. № 2. P. 227.

¹⁷ China bans looted antiques from going under hammer at mainland auction houses // *South China Morning Post*. 02.11.2016. URL: <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2042322/china-bans-looted-antiques-going-under-hammer-mainland> (дата обращения: 20.08.2020).

¹⁸ China's ancient treasures under siege from army of tomb raiders // *South China Morning Post*. 04.12.2015. URL: <https://www.scmp.com/lifestyle/article/1885832/chinas-ancient-treasures-under-siege-army-tomb-raiders> (дата обращения: 20.08.2020).

¹⁹ *Gallagher S.* How to Successfully Fight the Illicit Trade in Stolen Art and Antiquities in Asia? Remove an Antiquated English Law from Hong Kong's Legal System. Antiquities coalition, 2018. № 4. P. 5.

²⁰ *Gallagher S.* «Purchased in Hong Kong»: Is Hong Kong the Best Place to Buy Stolen or Looted Antiquities? // *International Journal of Cultural Property*. 2017. Vol. 24. № 04. P. 485.

²¹ *Gallagher S.* How to Successfully Fight the Illicit Trade... P. 5.

²² Old Summer Palace opposes auction of bronze heads // *China.org.cn*. 18.02.2009. URL: http://www.china.org.cn/culture/200902/18/content_17294761.htm (дата обращения: 20.08.2020).

²³ The man who sold the world // *Gqindia*. 2013. URL: <https://www.gqindia.com/content/man-who-sold-world> (дата обращения: 20.08.2020).

²⁴ China bans looted antiques from going under hammer at mainland auction houses, 2016.

²⁵ The Chinese art of elegant bribery // *OpenDemocracy*. 25.06.2011. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/openeconomy/chinese-art-of-elegant-bribery/> (дата обращения: 20.08.2020).

*Лаптева Александра Максимовна,
2-й курс магистратуры НИУ ВШЭ*

Классические малайские медицинские манускрипты

Аннотация

Китаб тиб — жанр малайской средневековой литературы, посвященный медицинской тематике. В силу холистичности мышления средневековых малайцев, манускрипты, относящиеся к данному жанру, могли включать в себя темы, которые на первый взгляд трудно соотнести с медициной как таковой: астрология, богословие, толкование снов, основы суфийских учений и пр. В данной статье рассматриваются и классифицируются манускрипты, которые в основном имеют дело с медицинскими вопросами, и, даже если в них присутствует магия, она необходима для лечения больного. Взяв на рассмотрение пять манускриптов, автор предлагает деление китаб тибов на две группы: популярно-мистические и рациональные. Приведенная классификация основывается на нескольких параметрах, а именно авторство, оформление текста, анализ содержания (наличие/отсутствие магии; наличие/отсутствие научного обоснования болезни и пр.).

Ключевые слова: *малайская классическая литература, медицина, манускрипты.*

*Китаб тиб — это жанр классической малайской литературы, посвященный вопросам медицины. К данному жанру обычно относят манускрипты, написанные на территории Малайи¹ на малайском языке шрифтом *джави*² в период с XVII по XX в. Пик популярности жанра пришелся на 1820—1870 гг.*

Китаб тиб-манускрипты рассматривают такие темы, как предписания по лечению болезней, описания симптомов и причин заболеваний, рецептура лекарств и «материя медика»³. Традиционная малайская медицина прибегает к использованию магии и мистицизма, по этой причине некоторые медицинские манускрипты, помимо указанных тем, также содержат в себе описание магических ритуалов, астрологию, сонники, гадательные техники и богословские тексты [4, стр. 1—2]. Из-за подобного смешения тем порой бывает трудно отличить медицинский манускрипт от манускрипта магического. В данной статье мы рассматривали те *китаб тибы*, которые по большей части затрагивают вопросы именно медицинского характера, и в которых магия носит терапевтический характер, даже если присутствует.

Исключением в данной статье является «Бустан ас-Салатин» Нурурудина ар-Ранири по причине того, что данную книгу можно считать уникалом: будучи представителем чисто энциклопедического жанра, она содержит в себе главу, крайне подробно рассматривающую искусство медицины. Данная книга сильно повлияла на дальнейшее развитие жанра *китаб тиб* и, можно сказать, способствовала появлению поджанра, о котором мы расскажем позже.

Несмотря на то что *китаб тиб*-манускрипты являются объектом пристального научного интереса как со стороны филологов, так и со стороны медиков у себя на родине, в Малайзии, они остаются *terra incognita* для западных специалистов. Некоторые манускрипты оцифрованы и выложены в интернете, однако наиболее важные работы по данной теме являются крайне труднодоступными. Кроме того, они написаны на малайском языке и недоступны для ученых, не владеющих им. Это делает почти невозможным изучение материалов, написанных малайскими учеными о *китаб тиб*-манускриптах, вне пределов Малайзии.

Исходя из доступных источников складывается впечатление, что изучающим данный жанр не хватает краткой и емкой классификации, которая бы позволила быстро определить тип манускрипта, с которым специалист имеет дело.

На данный момент мы смогли найти две классификации: первая создана главным специалистом по малайским медицинским манускриптам — Харун Мат Пиахом. Однако данная классификация скорее похожа на список тем, и сам Мат Пиах называет ее списком поджанров *китаб тиб*:

— знакомство с врачебной наукой; качества, необходимые врачу; диагностика болезней, использование гаданий и астрологии для определения заболевания;

— общие советы по сохранению здоровья, связанные с питанием, режимом сна, пользой отдыха и физических упражнений, личной гигиеной, контролем эмоций и пр.;

— болезни, вызванные вмешательством шайтана или джинна, которые необходимо лечить с помощью молитв, заклинаний или мантр; порча, психические расстройства, безумие и пр.;

— обычные болезни, вроде головных болей, болей в животе, тошноты и кашля; кожные заболевания; хронические заболевания; болезни частей тела; различные способы лечения: массаж, лекарства, заклинания, молитвы и талисманы;

— проблемы в половой сфере, т. е. вопросы, касающиеся темы секса, такие как импотенция, повышенная вагинальная секреция, заболевания половых органов или сексуальные позы, которые бы соответствовали Сунне;

— средства и их свойства. В *китаб тиб*ах такого типа перечисляются различные составы, отдельные травы и предметы, используемые для лечения определенного типа болезней;

— составление гороскопов и предсказаний, информация о созвездиях, вычисление лучшего дня для любого начинания, толкование сновидений, заговоры против домашних вредителей. [4, стр. 5—6].

Вторая классификация принадлежит Писол Маидину, и она основывается на формальных признаках манускрипта:

— классические медицинские манускрипты: «Бустан ас-Салатин» ар-Ранири настолько уникален, что П. Маидину пришлось для него выделить отдельную категорию, поясняя, что это самый ранний из известных малайских текстов по медицине и анатомии;

— корпус *китаб тибов*: сюда входят все безымянные манускрипты (зачастую не полные), посвященные малайской медицине, написанные от руки на территории Малайи. Примеры: «Китаб Тиб МС 33»;

— *китаб тибы* на *джави*: написаны классическим малайским шрифтом *джави*. Они были напечатаны или написаны за пределами Малайи и потом были распространены по юго-восточной Азии. Примеры: «Китаб Тайийб аль-Ихсан»;

— переводные *китаб тибы*: это переведенные или пересказанные с арабского работы. Примеры: «Муджарабат Мелаю», «Тадж ал-Мулук» [10, стр. 279—284].

Как нам кажется, несмотря на все позитивные стороны представленных классификаций, они недостаточно всеобъемлющи, так как основаны на каком-либо единичном признаке. Наша классификация не претендует на то, чтобы быть совершенной и универсальной, но мы надеемся, что она может помочь более эффективно различать медицинские малайские манускрипты или хотя бы привлечет к себе внимание других специалистов, которые бы более успешно решили проблему классификации *китаб тибов*.

Наша классификация основывается на анализе пяти манускриптов («Бустан ас-Салатин», «Китаб Тиб МС 33», «Муджарабат Мелаю», «Китаб Тиб Понтианак», «Китаб Тайийб аль-Ихсан») по нескольким признакам:

— художественно-литературное оформление: название, наличие у работы четкой структуры, введения, присутствие авторского «Я» в тексте;

— генетический: греко-арабское (Гален, Ибн Сина) или мусульмано-арабское (Коран, арабская магия) влияние; присутствие следов традиционной малайской культуры.

Контекстуальный:

— магия: использование амулетов, заклинаний, метафизическое объяснение болезни;

— наука: использование гуморальной теории, рациональное объяснение появления болезни, использование «материи медики».

Упомянутые манускрипты, а именно «Бустан ас-Салатин», «Китаб Тиб МС 33», «Муджарабат Мелаю», «Китаб Тиб Понтианак», «Китаб Таийиб аль-Ихсан», могут быть разделены на две группы: популярно-мистические и рациональные.

У популярно-мистических манускриптов практически отсутствует какая-либо выделенная структура. Больше всего они выглядят как тетради для переписывания материала, содержащие авторские пометки и, по сути, являются «арабизированной» версией традиционной *пустака бомох* — книги шамана. Однако в отличие от *пустака бомох*, в которой информация обычно была зашифрована владельцем, *китаб тибы* были доступны для обычных малайцев, благодаря использованию шрифта *джави*.

Тем не менее данные манускрипты были предназначены для тех же шаманов, и это объясняет специфику содержания популярно-мистических *китаб тибов*. В них акцент делается на метафизических причинах болезней, на использовании заклинаний и молитв для лечения, а также арабской и малайской магии, они предлагают инструкции по изготовлению лечебных амулетов.

В популярно-мистических *китаб тиб* запечатлены малайские верования и традиции своего времени, а именно вера в злых духов усопших, духов болезней, элементарных джиннов [21]. В них видна любовь малайцев к заимствованиям чужих магических практик, таких как использование мантр, индийской астрологии, арабских амулетов и гадательных техник.

Те манускрипты, которые привлекают арабскую магию, демонстрируют избыток в использовании арабского языка, особенно религиозной лексики и молитвенных формул. Например, имя Аллаха используется даже в традиционных заклинаниях. Это можно объяснить двояко: с одной стороны, малайцы любили заимствовать чужие магические практики, считая их сильнее [21], и, соответственно, имя Аллаха используется, чтобы сделать заклинание сильнее; с другой стороны, так могли поступать, чтобы избежать

внимания ортодоксальных мусульман. К популярно-мистическим *китаб тибам* мы отнесли «Китаб Тиб МС 33», «Китаб Тиб Понтианак», и с некоторыми оговорками «Муджарабат Мелаю».

Рациональные *китабы* встречаются реже, так как они не совсем характерны для малайской медицинской литературы и являются скорее результатом сильного греко-арабского влияния на медицинскую литературу региона. Только два манускрипта подошли к этой группе, а именно «Бустан ас-Салатин» Нуррудина ар-Ранири и «Китаб Таийиб аль-Ихсан» шейха Ахмада бин Мухаммад Зайн аль-Фатани. Оба автора — знаменитые малайские ученые своего времени и богословы.

В отличие от популярно-мистических *китаб тибов*, рациональные имеют некую структуру, введение, разделение на главы согласно рассматриваемым темам. Авторы относятся к своим работам как к полноценным литературным произведениям, что видно по их названиям, которые зачастую отсутствуют у популярно-мистических *китаб тибов*. Например, «Бустан ас-Салатин» переводится как «Сад Царей».

Также рациональные *китабы*, помимо практической информации, предоставляют и медицинскую теорию. Авторы цитируют и ссылаются на наиболее продвинутых мастеров искусства врачевания своего времени, они пытаются «рационализировать» болезни, объяснить их с точки зрения науки, при этом сурово критикуют бытующие среди малайцев суеверия.

Мы видим влияние Галена и Ибн Сины, когда авторы рассказывают об использовании гуморальной теории и о четырех базовых свойствах (жар, холод, влага, сухость) [14, стр. 96, 97; 10, стр. 110], встречаются даже цитаты из персидского переложения знаменитого «Канона врачебной науки» Ибн Сины. Информация расположена в определенном порядке, который должен облегчить ее понимание и запоминание, так как рациональные *китаб тибы* создавались как учебники для образованных людей, профессиональных врачей в Малайе, для тех, кто будет лечить наукой, а не магией.

Медицинские *китабы* — богатая тема для исследований различного толка: филологических, этнографических, медицинских и др. Остается надеяться, что в будущем материалы по данной тематике станут более доступны, чем сейчас, и что интерес к этой теме появится среди западных исследователей.

Приложение

Таблица 1

<p style="text-align: center;">«Бустан ас-Салатин» [Pada menyatakan perihal jantung]</p> <p>Kedua puluh dualapan, jantung iaitu kejadiannya daripada daging iaitulah terlebih daripada segala daging.</p> <p>Bujurnya seperti jantung pisang, dan tempat kediamannya sama tengah dada, dan kepalanya cenderung ke kiri, dan warnanya seperti biji delima.</p> <p>Kata Jalinus al-Hakim bahawa adalah dalam jantung itu dua rongga, suatu ke kanan suatu ke kiri. Dan adalah yang terlebih banyak darah itu pada rongga yang kanan jua.</p> <p>Dan adalah pada jantung itu dua urat sampai ke otak, apabila sampai sesuatu kepada hati yang tiada muafakat dengan perangnya maka jadi terkerutlah ia, daripada kerutnya itu jadi kerutlah dua urat yang sampai kepada otak itu, maka dari kerana itulah jadi kerut badan insan.</p> <p>[14, стр. 66]</p>	<p style="text-align: center;">[О сердце]</p> <p>Часть двадцать восьмая, сердце состоит из плоти, а именно, сердце выше всякой другой плоти.</p> <p>Длиной подобно соцветию банана, расположено оно посредине груди, и его вершина отклонена влево, цветом он похож на зерна граната.</p> <p>По словам врачевателя Галена, есть в сердце две полости, одна справа, другая слева. В правой полости больше крови.</p> <p>И отходят от сердца два сосуда, ведущие к мозгу, и если к печени приближается нечто, не соответствующее ее природе, тогда оно (сердце) сжимается, вслед за ним сжимаются два этих сосуда, ведущих к мозгу, и поэтому человеческое тело скручивается.</p>
<p style="text-align: center;">[Ilmu tibb] [Pada menyatakan takrif ilmu tibb]</p> <p>Kata segala ahli tobib bahawa ilmu tibb itu iaitu;</p> <p><i>Pengetahuan akan segala hal (/ahwal) badan insan, dan memelihara sihat tubuh, lagi menyembuhkan segala penyakit daripada segala wujud.</i></p> <p>Maka adalah segala ilmu tibb itu terhimpun dalam dua patah kata ayat ini seperti firman Allah taala yang tersebut dalam Quran:</p>	<p style="text-align: center;">Врачебное искусство] [Об определении понятия медицины]</p> <p>Все врачи говорят, что медицина — это:</p> <p>«Все знания о теле человека, сохранение здоровья тела и излечение всех существующих болезней».</p> <p>Вся медицинская наука заключена в нескольких словах, как заветал Всевышний Аллах в Коране:</p>

<p><i>Makan minumlah kamu dan [jangan] berlebih-lebihan, bahawasanya Allah taala tiada mengasih orang yang makan minum berlebih-lebihan.</i> [14, стр. 95—96]</p>	<p>«Ешьте и пейте, но не излишествуйте, ведь Всевышний Аллах не любит тех, кто предаётся чревоугодию»</p>
<p>[Pada menyatakan empat unsur bagi insan]</p> <p>Kata segala ulama ittifaq dengan segala hukama bahawasanya Allah taala menjadikan segala makhluk daripada insan dan hayawanat dan nabatat dan jamadat tiada khali (sunyi, terlepas) sekaliannya daripada empat anasir, tetapi lebih kurang [pada kejadian anasirnya/daripada kejadian anasir]:</p> <ul style="list-style-type: none"> — Pertama anasir <i>nar</i> iaitu anasir api, khasiatnya hangat lagi kering — Kedua <i>hawa'</i> iaitu angin, khasiatnya hangat lagi basah — Ketiga <i>ma'</i> iaitu air, khasiatnya sejuk lagi basah — Keempat <i>turab</i> iaitu tanah, khasiatnya sejuk lagi kering. <p>[14, стр. 96—97]</p>	<p>[О четырех элементах в человеке]</p> <p>Все улемы согласны со всеми хакимами, что Всевышний Аллах создал всех тварей, а именно, людей, животных, все растения и минералы, без исключения, из четырёх элементов, а именно, из сути этих элементов:</p> <ul style="list-style-type: none"> — Первый элемент <i>нар</i>, т. е. элемент огня, теплый и сухой по своему естеству; — Второй <i>хава'</i>, т. е. воздух, горячий и влажный по своему естеству; — Третий элемент <i>ма'</i>, т. е., вода, холодная и влажная по своему естеству; — Четвертый <i>тураб</i>, а именно, земля, холодная и сухая по своему естеству
<p>[Pada menyatakan sepuluh tanda untuk mengenal tabiat manusia]</p> <p>Kata ahli al-tib bahawa pengetahuan akan mengenal segala tabiat manusia itu daripada warna tubuhnya dan khuluqnya [dan] perkataannya dan lakunya dan perbuatannya dan pekerjaannya iaitu sepuluh perkara:</p> <ul style="list-style-type: none"> — Pertama [dijabat] badannya. Jika hangat tanda hangat jua tabiatnya. Dan jika sejuk tanda sejuk jua tabiatnya. Dan jika ugahari tanda jua, yakni sederhana jua tabiatnya. — Kedua ditilik kepada badannya. Jika tembus [air] iaitu tanda basah lagi tanda sejuk jua tabiatnya. Dan jika tiada demikian maka [iaitu] tanda hangat lagi basah jua tabiatnya. — Ketiga ditilik kepada rambutnya. Jika lebat serta dengan sangat ikal [lagi hitam] iaitu tanda hangat lagi kering tabiatnya. Dan jika tiada demikian maka tanda sejuk lagi basah jua tabiatnya. <p>[10, стр. 110]</p>	<p>[О десяти признаках, по которым можно узнать природу человека]</p> <p>Говорят врачи, что узнать всё о природе человека можно по цвету его тела, характеру, словам, поведению, делам и роду деятельности, вот десять признаков:</p> <ul style="list-style-type: none"> — Во-первых, ощупываем тело. Если оно теплое, то это признак горячей природы. Если холодное, то это признак холодной природы. Если умеренное, тогда это признак умеренной природы; — Во-вторых, осматриваем тело. Если оно толстое, то это признак влажной и холодной природы. Если оно не такое, то это признак горячей и влажной природы; — В-третьих, смотрим на волосы. Если они густые, очень кудрявые [и чёрные], то это признак горячей и сухой природы. Если они не такие, тогда это признак холодной и влажной природы

<p>[Pada menyatakan khasiat candu]</p> <p>Dan afyun [iaitu candu]. Kha-siatnya sejuk lagi kering pada darjah keempat. Faedahnya memberi khayal dan lagi melalikan daripada merasai sakit apabila [diambil] sedikit, campurkan dengan air madu dan za'faran maka dititikkan ke dalam telinga nescaya menyembuhkan [sakit telinga, demikian lagi menyembuhkan] sakit kepala daripada hangat, dan [jika] dimakan dia mengurangkan akal dan faham.</p> <p>[14, стр. 135]</p>	<p>[О свойствах опиума]</p> <p>Афйун, он же опиум. Холодный и сухой в четвёртой степени. Действие его таково: вызывает иллюзии, и (человек, принявший его) перестаёт обращать внимание на боль, если принимать в небольших дозах, смешав с медовой водой и шафраном, пустить раствор в ухо по каплям, то, несомненно, выздоровеет [больное ухо, таким же образом излечит] больную голову от жара, и [если] есть его, то ослабит он соображение и разум.</p>
<p>«Хикаят Нур аль-Лисан Менджаваб Масалах» (Kata tabib), «Daripada hardal» (biji sesawi).</p> <p>Jawabnya` «Panas kering darjahnya dan penggunaannya menghancurkan balgham dan menumbuhkan rambut dan menghilangkan segala bengkak dan penyakit kedal dan menambahi kuat syahwat dan jika ditumbukkan dia dan diciumkan dia nescaya menggerakkan bersin dan jika dimakannya nescaya menghilangkan bengkak lidah dan jika dibarutkan dia kepada sopak nescaya hilanglah; dan buihnya menghilangkan busuk hidung dan jika selalu diminum air rebusannya nescaya menghilangkan mata yang tiada melihat malam dan jika dilumurkan debunya kepada muka nescaya molekkan mukanya».</p> <p>[4, стр. 12]</p> <p>(Kata tabib), «Daripada bunga babasah» (bunga pala)</p> <p>Jawabnya, «Panas kering darjahnya dan penggunaannya memberi kuat akan paru-paru dan menghilangkan lendir di dalam perut dan jika diminum akan dia dan ditempek akan perut nescaya</p>	<p>(Сказал врач) «Горчичные зерна»</p> <p>Ответил он: «Горячей и сухой степени, используют их для выведения слизи, роста волос, (они) устраняют любого рода вздутия и грибки, усиливают потенцию, и если размолоть и вдыхать (их запах), то, несомненно, это вызовет чиханье, если съесть их, то непременно умерят они вздутие языка, и если нанести их на песь¹, то, несомненно, пятна исчезнут; Пена горчичных зёрен устраняет гнилой запах в носу, если всегда пить отвар горчичных зёрен, то устраняет куриную слепоту, и если нанесешь горчичную пудру на лицо, то станет оно красивее»</p> <p>(Сказал врач) «Мускатный цвет»</p> <p>Ответил он: «Горячей и сухой степени, используют его для укрепления легких, выведения слизи из желудка, и если пить его и сделать из него компресс на живот,</p>

<p>mengecutkan dia dan memberi baikkan hati yang sejuk dan obat penyakit tumpat hidung dan berhingus dan bengkak kembang (dan) jika dimakan dan ditempek kepada ari-ari dan perut nescaya memberhentikan bertitik air kencing dan jika ditempek pada tundun nescaya tiada kencing pada tempat tidur».</p> <p>[4, стр. 12]</p>	<p>то, несомненно, это уменьшит его, а также принесет пользу холодной печени, вылечит заложенный нос, избыток слизи, растущие опухоли, если съесть его или прилепить внизу и посередине живота, то прекратит это недержание, и если прикрепить к лобку, то в постели у человека не будет недержания»</p>
<p>«Китаб тиб МС 2515»</p> <p>Sebagai lagi obat batuk atau esak maka ambil akar kecubung berat setahil dan akar gandarusa berat setahil dan akar gelang sumbu berat setahil dan akar tanjung berat setahil sepuluh emas dan akar kirai berat setahil dua emas maka semuanya itu direndamkan maka giling lumat-lumat maka masukkan ke dalam air nyiur hijau maka tutup dengan tanah liat maka tanam ke dalam tanah maka bubuh api di atasnya tujuh hari kering-kering maka direndamkan maka bubuh air madu maka kelik jadikan tujuh belas biji jamu beri kering-kering maka direndamkan ke dalam cuka yang masam tiga hari maka makan pagi-pagi dan petang sehari, afiat.</p> <p>[4, стр. 8]</p>	<p>Также излечит кашель или затрудненное дыхание, [если] взять корень дурмана (индийского) весом в один тахиль², и корень гендаруссы (обыкновенной) весом в один тахиль, и основание рога носорога весом в один тахиль, корень мимусопса весом в один тахиль и десять эмас³, и корень саговой пальмы весом в один тахиль и два эмаса, погрузить в (воду), и очень тщательно растолочь, и смешать это с соком зелёного кокосового ореха, и закрыть глиной, и закопать в землю, и разводить над ним костёр в течение семи дней, (чтобы) высушить, затем залить (водой), затем добавить мёд, затем сделать из лекарства семнадцать горошин, высушить, затем добавить в уксус, который настаивался в течение трёх дней, и принимать (лекарство) один день: рано утром и ранним вечером, так излечится (кашель)</p>

¹ Витилиго.

² Тахиль равен 37,8 г.

³ Эмас приблизительно равен 2,5 г.

Литература

1. *Ahmad Faisal bin Abdul Hamid*. Manuskrip perubatan Melayu-Islam di Fatani: Ulasan terhadap manuskrip Kitab Tayyib al-Ihsan fi Tibb al-Insan karya Syeikh Ahmad al-Fatani / Ahmad Faisal bin Abdul,

- Helwana binti Mohammad // Journal of Al-Tamaddun. — 2008. — Vol. 3, № 1. — P. 110—127.
2. *Ahmad Faisal bin Abdul Hamid*. Perubahan Melayu tradisional: Kitab Tibb Pontianak / Ahmad Faisal bin Abdul Hamid, Nurul Wahidah binti Fauzi // Journal of Al-Tamaddun. — 2012. — Vol. 7, № 1. — P. 149—162.
 3. Amalan perubahan tradisional masyarakat Melayu Sarawak / R. Mustafa [et al.] // Procedia - Social and Behavioral Sciences. — 2014. — Vol. 134. — P. 316—322.
 4. *Harun Mat Piah*. Ilmu perubahan Melayu tradisional dari naskhah-naskhah lama / Harun Mat Piah // Jurnal Antarabangsa Alam dan Tamadun Melayu (Iman). — 2015. — Vol. 3. — P. 3—17.
 5. Pengaruh eksklusif peradaban arab-islam dalam penulisan dan pemikiran ilmu perubahan tradisional Melayu dalam Kitab Tib Betawi / Azhar Muhammad [et al.] // Proceedings of the International Conference on Islam, Development and Social Harmony in South-east Asia 2017 / ed. by Mohd Nasran Mohamad [et al.]. — Malaysia, 2017. — P. 331—337.
 6. *Sidik R*. Pengaruh peradaban Islam dalam MSS1292 Kitab TIBB / R. Sidik, A. Baharuddin, R.A.A. Rahim // Jurnal Peradaban. — 2017. — Vol. 4. — P. 93—114.
 7. Doa Penawar Angin Ahmar // ResearchGate [Electronic Resource]. URL: <https://ru.scribd.com/doc/288438711/Doa-Penawar-Angin-Ahmar> (проверено 25.05.18).
 8. *Karim A.R.A*. Analisis Bahasa dalam Kitab Tib Pontianak / A.R.A. Karim // ResearchGate [Electronic Resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/321352970_Analisis_Bahasa_dalam_Kitab_Tib_Pontianak (проверено 25.05.18).
 9. Kitab Tib MS 174 [Electronic Document]. URL: <http://spcats.umlib.um.edu.my/mymanuskrip/archives/KITABTIB.pdf> (проверено 03.04.18).
 10. *Maidin P*. Konsep kesihatan dan etnofarmakologi: satu kajian falsafah berdasarkan beberapa naskah manuskrip perubahan tradisional (Bustan al-Salatin, Kitab Tibb dan Taiyib al-Ihsan) / P. Maidin // University of Malaya: Students Repository [Electronic Resource]. URL: <http://studentsrepo.um.edu.my/1982/> (проверено 25.05.18).
 11. *Mohd Noor A*. Menyingkap ilmu perubahan Melayu tradisional menerusi beberapa manuskrip terpilih / A. Mohd Noor // ResearchGate [Electronic Resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/323260205_MENYINGKAP_ILMU_PERUBATAN_MELAYU_TRADISIONAL_MENERUSI_BEBERAPA_MANUSKRIP_TERPILIH (проверено 25.05.18).

12. *Mohd. Riji H.* Penjagaan kesihatan dan rawatan : prinsip dan teori dalam perubatan Melayu / H. bnt Mohd Riji // University of Malaya: Students Repository [Electronic Resource]. URL: <http://studentsrepo.um.edu.my/673/> (проверено 03.04.18).
13. *Ngadeni N.* Falsafah Dan Prinsip Asas Perubatan Melayu / N. Ngadeni // Archive [Electronic Resource]. URL: <https://archive.org/details/FalsafahDanPrinsipAsasPerubatanMelayuNornizamNgadeniPREVIEW> (проверено 03.04.18).
14. *Sobree N.* Bustanus Salatin: Bab ketujuh, fasal ketiga pada menyatakan ilmu tashrih dan ilmu tibb / N. Sobree // Archive [Electronic Resource]. URL: <https://archive.org/details/BustanusSalatinBab7Fasal3PREVIEW> (проверено 03.04.18).
15. *Yunos Y.* Azimat Perempuan dalam Kitab Mujarrabat Melayu / Y. Yunos, N. Mohamed // ResearchGate [Electronic Resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/315668855_Azimat_Perempuan_dalam_Kitab_Mujarrabat_Melayu (проверено 23.02.18).
16. *Yunos Y.* Kepandaian Orang Melayu dalam mentafsir ruang perubatan tradisional / Y. Yunos, M.Y. M. Yusoff, M.G. Hanafiah, M.N. Jamian // [Electronic Resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/315099589_Kepandaian_Orang_Melayu_dalam_mentafsir_ruang_perubatan_tradisional_The_Malay_Diligence_of_intrepreting_the_traditional_medicinal_space (проверено 23.02.18).
17. *Yunos Y.* Raksa dalam Mujarrobat Melayu / Y. Yunos, N. Mohamed, Abd. Samad Kechot // ResearchGate [Electronic Resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/315668268_Raksa_dalam_Mujarrobat_Melayu (проверено 23.02.18).
18. *Yunos Y.* Ramuan Flora dan Fauna dalam Mujarabat Melayu / Y. Yunos, N. Mohamed // SCRIBD [Electronic Resource]. URL: <https://ru.scribd.com/document/380180628/Yusmilayati-Yunos-Ramuan-Flora-Fauna> (проверено 25.05.18).
19. *Deuraseh N.* Using the Verses of the Holy Qur'an as Ruqyah (Incantation): The Perception of Malay-Muslim Society in Kelantan and Terengganu on Ruqyah as an Alternative Way of Healing in Malaysia / Nurdeng Deuraseh // European Journal of Social Sciences. — 2009. — Vol. 9, No. 3. — P. 448—456.
20. *Fathurahman O.* Medical manuscript and Islam in the Malay world (Nusantara): Aceh and Mindanao / O. Fathurahman, Mohd Affendi Mohd Shafri, Intan Azura Shahdan // Malay medical manuscripts: Heritage from the garden of healing / ed. by Mohd Affendi Mohd Shafri, Intan Azura Shahdan. — Kuala Lumpur, 2017. — P. 19—34.

21. *Gimlette J.D.* Malay Poisons and Charm Cures: Second Edition / J.D. Gimlette. — London: J. & A. Churchill, 1923. — 284 p.
22. *Chen P.C.Y.* Medical systems in Malaysia: cultural bases and differential use / P.C.Y. Chen // JSTOR [Electronic Resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/43618670> (проверено 22.01.18).
23. *Colley C.F.* Traditional Indian Medicine in Malaysia / C.F. Colley // JSTOR [Electronic Resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/41492189> (проверено 03.12.17).
24. *Sidik R.* Traditional Healing in Malay Culture: The Case of A Malay Manuscript of the 19 th Century / R. Sidik, A. Baharuddin // Academia. [Electronic Resource]. URL: https://www.academia.edu/566834/TRADITIONAL_HEALING_IN_MALAY_CULTURE_THE_CASE_OF_A_MALAY_MANUSCRIPT_OF_THE_19TH_CENTURY (проверено 23.02.18).

¹ Обобщенное название малайских государств на Малаккском полуострове до появления в 1957 г. независимой Малайской Федерации.

² Арабский алфавит, используемый для передачи малайского языка.

³ В этой работе под данным термином подразумевается особым образом оформленная информация по фармакологии, а именно, название растения, описание его внешнего вида и свойств в чистом виде.

Бутурлин Илья Сергеевич,
4-й курс, бакалавриат, НИУ ВШЭ

Mubārazāt ar-rab (арабские рэп-баттлы) как фактор полного оформления арабского рэпа в системе устной поэтической традиции

Аннотация

В работе исследуется феномен рэп-баттлов, который, в силу возрастающей популярности, является предметом дискуссии в странах Арабского Востока, где отношение общества к вопросам языка традиционно весьма консервативно. Тем интереснее выяснить причины, по которым такое авангардное явление языковой культуры, как рэп, приобрело в этих странах, казалось бы, неожиданную популярность.

Традиция «поэтических перебранок» на Арабском Востоке берет свое начало в эпоху Джахилийи. Как показывает исследование, возможной причиной популярности жанра рэп в арабоязычном обществе является то обстоятельство, что рэп-культура наложилась на субстрат, сформировавшийся в эпоху Джахилийи и в значительной степени являющийся продуктом эволюции давней традиции «поэтических перебранок».

Популярность арабских рэп-баттлов, в том числе появление площадок для рэп-баттлов в арабских странах, напрямую связаны с распространенностью местного жанра «поэтических перебранок» — заджала.

Восприятие арабами явления западной культуры и переосмысление рэп-баттлов, общие черты, присущие рэпу и традиционному заджалю, способствовали «полному оформлению» арабского рэпа, который сегодня рассматривается в арабском обществе как аутентичное явление культуры.

Ключевые слова: хип-хоп культура, арабский рэп, арабские рэп-баттлы, «поэтические перебранки», устная поэтическая традиция, арабский язык.

Актуальность настоящего исследования объясняется несколькими основными причинами. Во-первых, начиная с VIII в. и до сегодняшнего дня проблема языка, особенности отражения в языке внеязыковой действительности, изменений в жизни постоянно меняющегося общества всегда выступали первостепенными вопросами обсуждения для населения стран Арабского Востока.

В системе арабского языка функционируют два сектора. Литературно-письменная форма, сформировавшаяся на основе классического арабского языка (al-fuṣḥā), занимает позицию естественного языка-эталона — арабского литературного языка. Он является общим для всех арабских стран с незначительной ареальной вариативностью, широко используется в международных средствах массовой информации, литературе. В свою очередь, арабские диалекты (al-laḥḡāt) охватывают устно-разговорную форму языка, выступающую повседневным средством коммуникации населения и различающуюся от региона к региону, в том числе подразделяющуюся на более дробное деление: наличие в одном регионе сразу нескольких диалектальных форм. Арабские разговорные диалектные языки типологически не совпадают с генетически родственным относительно единым официальным книжно-письменным литературным языком и функционально находятся с ним в отношениях дополнительной дистрибуции¹. В последнее время исследователи ставят вопрос об оформлении третьей («серединой») формы арабского языка — «среднего языка» (al-luḡah al-wuṣṭā, al-luḡah al-bayḡā').

Одной из особенностей арабского языка является одновременное функционирование литературно-письменной и устно-разговорной форм языка. Однако, если литературный арабский язык всегда является объектом исследования в трудах арабских лингвистов, то вопрос изучения арабских диалектов вплоть до середины XX в. оставался за пределами внимания исследователей в связи с таким консервативным определением диалектов как «порча языка». Тем не менее сегодня ученые говорят о взаимовлиянии арабских

разговорных диалектных и литературного языков, особенно в том, что касается взаимопроникновения лексики. При этом отдельный акцент делается на том, что в будущих исследованиях необходимо рассматривать диалекты как отдельно функционирующие языковые системы, отличные от литературного арабского языка.

Во-вторых, количество трудов, посвященных речевым жанрам, в том числе устным литературным формам, весьма незначительно. Между тем изучение устной поэтической традиции является важным направлением арабистики по нескольким причинам: 1) она способствует сохранению классического наследия языка и культурного богатства в целом; 2) она является источником исследования социальной, политической и экономической сфер, так как все это окружает исполнителей и определяет характер и содержание их творчества.

Зафиксированные на письме образцы поэтических произведений видных авторов доисламской эпохи предоставляют широкие возможности исследователям: во-первых, изучить и проанализировать на материале поэтических произведений социальные и экономические аспекты жизни общества того времени; во-вторых, исследовать и сопоставить грамматический строй, в том числе особенности оформления предложения классического и литературного арабских языков. В свою очередь, современная устная поэзия, которую можно услышать в той или иной форме повсеместно на улицах Арабского Востока или всевозможных культурных мероприятиях с участием поэтов, в том числе доступная в виде аудиозаписей и видеоматериалов, открывает иные возможности. С одной стороны, в ней все также отражаются социальные и экономические детали общественного устройства, с другой — представляется возможным изучать материал активно развивающихся форм арабского языка (арабские диалекты, «средний язык»).

В обществах Аравийского полуострова поэт со времен Джахилийи занимал одно из центральных мест. Его творчество могло способствовать возвеличиванию какого-либо

племени и/или унижению других племен, в том числе вдохновению на победу перед боем. С течением времени роль поэтов в арабоязычном обществе претерпела значительные изменения, однако разработанные поэтические жанры и стили продолжают высоко оцениваться как культурное арабское наследие.

На современном этапе в арабоязычном обществе широкое распространение имеет актуальный для нашей эпохи жанр поэтических перебранок — рэп-баттл. В условиях тесного переплетения культур на глобальном и трансрегиональном уровнях факт роста популярности такого формата целиком рассматривается мировым сообществом, в том числе и в научных кругах, как пример заимствования западной культуры, «американского оригинала». Однако в рамках настоящего исследования мы ставим перед собой цель доказать обратное.

Актуальность данного исследования определяется в том числе и социальной функцией рэп-баттлов — их направленностью на обсуждение и разрешение конфликтов путем построения диалога между противостоящими сторонами, которые в поединках символизируют рэп-исполнители.

Стоит отметить, что в силу исторической новизны исследуемого явления (первая официальная рэп-баттл площадка на Арабском Востоке была создана в Бейруте в 2015 г.) и отсутствия специального общепринятого обозначения арабских рэп-баттлов мы предлагаем использовать термин *mubārazāt ar-rab*² для их определения.

Арабская устная поэтическая традиция представляет собой результат творческой деятельности кочевников-бедуинов, которые помимо написания произведений лирического пейзажа и любовной лирики также искусно использовали слово в качестве основной движущей силы в конфликтах. Она является уникальной, детально описанной³ и продолжает использоваться в практически неизменном виде (так, например, современные арабские поэты создают собственные *нака'ид*, обращаясь к опыту своих предшественников).

Появление рэп-баттлов на арабском языке в Ливане не было результатом калькирования западной традиции. Более того, сам жанр и тот формат, который он приобрел в Ливане, не является чем-то прорывным или новым для местной культуры. Основные его элементы не представляют собой адаптированные западные аналоги: напротив, это результат переработки и переосмысления культурного наследия, восходящего своими корнями в глубокую древность и, очевидно, сформировавшегося в максимально приближенной к рэп-баттлам форме задолго до появления самого рэпа.

Развитие традиции древнеарабских поэтических перебранок до арабских рэп-баттлов представляет собой цепочку, в которую входят такие жанры, как *хиджа'* и *фахр, нака'ид, мувашиш* и *заджал*. Поэтические перебранки, как один из жанров устного творчества, пользовались и продолжают пользоваться большой популярностью в арабоязычном обществе, не в последнюю очередь как дань культурному наследию, которое подарила деятельность поэтов Средневековья.

Наиболее интересным в рамках настоящего исследования является жанр *заджал*. Он представляет собой сложное комплексное явление арабской устной поэтической системы. Существуют различные взгляды на происхождение жанра. Однако мы придерживались точки зрения арабских ученых, которая сводится к тому, что *заджал* как жанр народной поэзии зародился в эпоху Джахилийи. Впоследствии (в XII в.) термин получил широкое распространение на территории Андалусии (андалусский *заджал*) и после чего был перенят арабами вновь, в первую очередь распространяясь на территории Машрика.

В разные эпохи термин «*заджал*» применялся в отношении различающихся жанров регионально-локального характера, что вызывает некоторые разночтения в рамках научной литературы, посвященной развитию устной поэтической традиции арабов. Существуют различные формы бытования местных арабских *заджалей*. Этому жанру отве-

дено значимое место целого пласта поэзии, исполняющейся на народном языке.

Анализируя традицию арабских *заджалей*, необходимо учитывать тот факт, что история развития их региональных вариантов различна, для сопоставительного анализа необходима их систематизация и классификация. В настоящем исследовании рассматривается ливанский *заджал* ввиду того, что он является наиболее описанным. Более того, именно эта форма устной народной поэзии повлияла на возникновение объекта исследования — *tubāgāzāt ar-rab*.

В контексте арабских *заджалей* авторы (в основном арабские исследователи) трудов, посвященных непосредственно рассмотрению жанра *заджала* как особого вида народной поэзии, в большинстве своем согласны, что *заджал* имеет исконные арабские корни. В ливанской поэтической традиции *заджал* представляет собой устную народную поэзию в целом, исполняющуюся или зачитывающуюся под музыкальный аккомпанемент⁴. Интересно рассмотреть термины, используемые ливанцами применительно к жанру: отмечается, что термин «*заджал*» тесно связан с *tu‘annā*⁵ — определение (используемое в отношении более древнего жанра, который предшествовал *заджалю*), однако зачастую употребляемое взаимозаменяемо с ним для обозначения ливанской народной поэзии в полном объеме⁶. Наравне с термином *zaġġāl*, которым обозначают поэтов жанра *заджал*, или более буквальной формой *šā‘ir az-zaġal*, используется также термин *qawwāl* (ар. — народный поэт). Из приведенного выше можно сделать вывод о том, что даже на терминологическом уровне *заджал* представляется неоднозначным явлением.

Арабские ученые делают особый акцент на том, что *заджал* является арабским по своему происхождению, при этом выделяют два основных вида в рамках этого жанра, так, что один из видов *заджала* происходит из Багдада, другой — из Кордобы⁷. В отношении метрики арабского *заджала* можно отметить следующее: музыкальная единица весьма далека от литературной поэзии; сам размер не имеет

строгих ограничений, поэт жанра *заджалъ* имеет возможность видоизменить его в соответствии с запросами культурного уровня общества, в котором он живет⁸.

Сопоставив первые полученные результаты в процессе исследования, нами было выдвинуто предположение о том, что в арабском языке, хранящем традиции поэтической полемики, были созданы благоприятные условия для развития современного жанра рэп-баттлов. Так возникновению рэп-баттлов и площадок для их проведения на Арабском Востоке благоприятствовала местная развитая культура *заджалей*.

Обозначим некоторые важные моменты, касающиеся истории развития арабского рэпа: рэп как элемент хип-хоп культуры проникает на Арабский Восток извне, представляется возможным выделить этап «усвоения» арабами жанра (рамки которого охватывают 1970—1980-е гг. прошлого столетия до 2010-х гг.). Для этого этапа характерно использование европейских языков, в том числе политическая направленность текстов: в этот период в первую очередь рэп воспринимается как элемент ненасильственного протеста политическому режиму. Стоит отметить, что события «арабской весны» способствовали дальнейшему ускорению распространения хип-хоп культуры. Как было отмечено, содержание текстов рэп-исполнителей этого периода напрямую затрагивает общественные проблемы, волновавшие людей. Кроме того, именно в этот период на Арабский Восток проникают новые несвойственные местной среде музыкальные жанры (например, рок-музыка), а арабские рэп-исполнители обретают большую популярность.

Последующий этап — «становление» арабского рэпа: авторы расширяют спектр тем, к которым обращаются в своих произведениях, начинают использовать арабский язык. Что немаловажно, происходит смена взгляда на саму хип-хоп культуру: представители арабского хип-хопа обосновывают усвоение рэпа в арабоязычном обществе исходя из продолжающего свое существование жанра поэтических перебранок (*заджаля*), при этом особый акцент делается на

том, что именно исконно арабский субстрат вошел в основу сегодняшнего арабского рэпа.

Первая официальная рэп-баттл площадка The Arena ME создается в Бейруте в 2015 г., после в 2016 г. в Аммане возникает лига арабских рэп-исполнителей The Butchery, на официальных страницах которой на данный момент зафиксировано единственное рэп-баттл событие. На волне поднявшегося интереса к рэп-баттлам в феврале 2017 г. снимается ролик о первом рэп-баттле в Египте, позднее, в ноябре, создается «первая крупнейшая лига рэп-баттлов в Египте» Rap or Die. В октябре 2018 г. возникает палестинская площадка Damn You Rap Battle.

Исходя из вышеизложенного, все существующие на данный момент арабские рэп-баттл лиги располагаются в Ливане, Иордании, Египте и Палестине — странах, местное население которых знакомо с традицией арабского *заджаля*. В связи с этим был сделан вывод, что развитие рэп-баттл культуры, а также появление рэп-баттл площадок в арабских странах напрямую связаны со степенью распространения в них местного *заджаля*.

Более того, если мы рассмотрим отрывок из первого ролика ливанской рэп-баттл лиги⁹, с которого начинается история развития *mubārazāt ar-rab*, то обнаружим, что первый раунд рэп-баттла начинается с зачитывания ливанским рэп-исполнителем *панча*¹⁰, который представлен в виде *заджаля* (см. Приложение), что еще раз подчеркивает влияние устной поэтической арабской культуры на возникновение *mubārazāt ar-rab*.

В заключение стоит отметить следующее: нашим исследованием было выявлено, что в результате эволюции традиции поэтических перебранок на Арабском Востоке возникло новое исконно арабское жанровое направление — *заджаль*, получившее широкое распространение на территории Машрика. При этом наиболее развитой и получившей широкое признание во всем мире является форма ливанского *заджаля*.

Рэп-культура, массовое распространение которой на Арабском Востоке прослеживается уже в начале 2000-х гг.,

наложилась на некий субстрат, существовавший в арабской поэтической системе со времен Джахилийи (сложившийся в результате эволюции традиции поэтических перебранок).

Наши предположения о том, что развитию арабских рэп-баттлов, в том числе появлению рэп-баттл площадок на Арабском Востоке, сопутствовала развитая культура арабских *аджалей*, подтвердились, что доказывается возникновением рэп-баттл лиг в таких странах, как Ливан, Иордания, Египет, Палестина.

Современный арабский рэп занимает особое положение в устной поэтической традиции арабов, что подтверждается изложенными ранее этапами ее развития.

Распространение такого массового культурного явления, как рэп-баттлы, инициировало обращение арабов к собственному культурному наследию — устной поэзии. При этом арабские рэп-баттлы представляются не заимствованием, не интегрированным «американским форматом» в новую культурную среду, а развитием арабской традиции поэтических перебранок.

Mubārazāt ar-rab являются доказательством полного оформления арабского рэпа в системе устной поэтической традиции, потому как появлению такого жанра способствовали продолжительные этапы развития хип-хоп культуры в целом и арабского рэпа в частности.

Приложение

Временной отрывок видеозаписи: 1:55—2:15

Перевод	Арабский текст
Башир, наконец-то твое присутствие порадовало нас.	أوف، أوف، أوف (أوف!) أوف، أوف، أوف (أوف!)
Вот и заканчивается твоя поездка по нашим землям.	يا بشير كونك جنتنا
Так мы и рады будем проводить тебя!	تتم إجماع على أراضينا
Все надежды на это, ведь твоя слава построена на наших традициях	من بعلينا نرحب بذي كل رجاء عن ذكرك لك تقالدا

Список источников

1. The Arena ME. The Arena — Dizaster vs Edd Abbas (First Official Arabic Rap Battle) #MobaRap. [Запись mubārazāt ar-rab]. Beirut: YouTube, 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DPQ-PC5HfS0> (дата обращения: 03.06.2019).

Литература

1. *Saʿīd ʿA.* Az-zaǧal fī ʿaṣliḥ wa-faṣliḥ. Bayrūt: Maǧd al-muʿassasa al-ǧāmiʿiyya li-d-dirāsāt wa-n-naṣr wa-t-tawzīʿ, 2009.
2. *Al-ʿisīlī S.* Tārīḥ al-fann az-zaǧalī. Ar-Riyāḍ: Dār az-zahrāʾ, 1999.
3. *Haydar A.* The Development of Lebanese Zajal: Genre, Meter, and Verbal Duel // Oral Tradition. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc. — 1989. — № 4/1-2.
4. *Василенко М.И.* Типы поэтов и жанровые формы в мире арабской племенной поэзии // В сборнике науч. статей Поэтика традиции / Под ред. Василькова Я.В. и Кисилиера М.Л. Сборник научных статей. — СПб.: Европейский дом, 2010.
5. *Мишкуроев Э.Н.* Типология диалектного и литературного грамматического строя арабского языка: автореферат дис. доктора филол. наук: 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, теория перевода / Э.Н. Мишкуроев; Военный Краснознаменный институт. М., 1985.
6. *Фильштинский И.М.* История арабской литературы V — начало X века. — М.: Наука, 1985.

¹ Мишкуроев Э.Н. Типология диалектного и литературного грамматического строя арабского языка: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1985. С. 10.

² Термин берет происхождение от глагола *bāraza*, основное значение которого «состояться». Употреблением данного термина мы подчеркиваем обособленность современного жанра в арабском обществе, т.е. его самостоятельное развитие из западных рэп-баттлов.

³ Более детально этот вопрос освещен в труде Василенко М.И. Типы поэтов и жанровые формы в мире арабской племенной

поэзии. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 139—177. В том числе в серии работ Фильштинского И.М. История арабской литературы. М.: Наука, 1985—1991.

⁴ *Haydar A. The Development of Lebanese Zajal: Genre, Meter, and Verbal Duel.* Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1989. P. 190.

⁵ Термин происходит от слова с сирийского языка — *ma'anišū* (сир. — «песня»). По одной из версий, источником появления заджала в Ливане мог явиться сирийский язык, так как священнослужители видели необходимость перевода литургических гимнов на сирийском языке на ливанский диалект — основной язык верующих христиан, при этом сохранялись многие метрические особенности этих гимнов.

⁶ *Haydar A. The Development of Lebanese Zajal: Genre, Meter, and Verbal Duel.* P. 191.

⁷ Sa'īd 'A. *Az-zağal fī 'ašliḥ wa-fašliḥ.* Bayrūt: Mağd al-mu'assasa al-ğāmi'iyya li-d-dirāsāt wa-n-našr wa-t-tawzī', 2009. Ş. 7.

⁸ *Al-'isīlī S. Tārīḥ al-fann az-zağalī.* Ar-Riyād: Dār az-zahrā', 1999. Ş. 13.

⁹ The Arena ME. *The Arena — Dizaster vs Edd Abbas (First Official Arabic Rap Battle) #MobaRap.* Beirut: YouTube, 2015. Т. 1:55—2:15.

¹⁰ Высмеивание, укол оппонента.

Орлова Елена Александровна,
4-й курс бакалавриата,
Факультет МЭиМП НИУ ВШЭ
E-mail: eaorlova_1@edu.hse.ru

Государственная политика КНР по борьбе с незаконными раскопками в XXI в.

Аннотация

В ходе изучения нормативно-правовой базы КНР и анализа соответствующих судебных дел автор выделяет основные направления работы правительства по пресечению незаконной археологической деятельности. Среди них — совершенствование законодательной базы, улучшение координации между провинциями, повышение ответственности местных органов власти за сохранение культурного наследия и активная пропаганда в СМИ.

Ключевые слова: *Китай, законодательство, незаконная археологическая деятельность.*

Начиная с конца XVIII в. и по сей день одной из главных проблем в сфере охраны культурных реликвий в Китае остается расхищение кладбищ, могил и археологических объектов. По подсчетам Китайского научного общества культурных реликвий, с 1840 г. из-за краж в военное время и незаконных раскопок в Китае было утрачено более 10 млн предметов антиквариата, в стране постоянно действуют до 100 000 расхитителей гробниц¹. По объему сделок купли-продажи черный рынок антиквариата занимает третье место в мире после контрабанды наркотических веществ и оружия². В данной работе предпринята попытка система-

тизации работы государства по борьбе с незаконными раскопками в XXI в.

Цель данного исследования — определить специфику государственного регулирования археологических работ на территории КНР. Для этого было **необходимо**: установить определение «незаконных раскопок» в законодательстве КНР, выявить основные источники и принципы правового регулирования археологической деятельности и рассмотреть судебные дела, связанные с незаконными раскопками на территории КНР.

В качестве основного **метода** в работе использован формально-юридический метод. С его помощью были проанализированы действующие в КНР правовые нормы, затрагивающие область торговли произведениями искусства, с целью определить структуру правовых явлений, их место и роль в правовой системе КНР.

Проблема незаконных раскопок в КНР изучена незначительно, реальные масштабы раскопок неизвестны. Большинство исследований посвящены политике КНР по охране культурного наследия, а борьба с незаконными раскопками — лишь один из эпизодов исследований.

На рубеже XX—XXI вв. феномен незаконной торговли культурными ценностями и законодательство КНР в этой области изучали Д. Мерфи и Хэ Шучжун. Д. Мерфи описал историю становления законодательства в области охраны культурного наследия и выделил основные проблемы, с которыми сталкивался Китай в этой сфере в середине 80-х — начале 90-х гг. XX в.: отсутствие в стране легального художественного рынка, кражи в музеях и разграбление древних гробниц, осуществляемые преступными группировками³. Хэ Шучжун, советник департамента политики и права Государственного управления по охране культурного наследия КНР, проанализировал освещение судебных кейсов, связанных с незаконными раскопками, в китайских СМИ в 1990-х гг., и на их основе составил перечень памятников, серьезно поврежденных в ходе незаконных раскопок⁴. Исследователь А. Маус рассматривает Закон об охране па-

мятников культуры в редакции 2007 г. и отмечает недостаток ресурсов для исполнения законодательства⁵.

Позднее законодательство КНР в области археологического наследия обобщила А. Стивен. Однако автор рассматривала лишь период до 2009 г.⁶ С.Н. Ляпустин в соавторстве с Н.С. Барей рассмотрели борьбу с контрабандой культурных реликвий и пришли к выводу, что этим занята таможенная полиция КНР. Например, в 2016 г. Пекинская таможня конфисковала и передала Управлению по охране культурного наследия Пекина около 18 тыс. реликвий⁷.

Однако работы перечисленных авторов затрагивают проблему незаконных раскопок лишь поверхностно и практически не рассматривают нормативно-правовые акты, изданные в КНР за последние 5 лет.

Эмпирическую основу исследования составляют такие нормативные правовые акты, как «Закон об охране памятников культуры»⁸, «Положение об иностранной археологической деятельности»⁹, «Руководящие принципы по дальнейшему усилению работы, связанной с культурными реликвиями»¹⁰, «Замечания по поводу усиления мер по охране культурного наследия»¹¹, «Замечания Государственного управления по охране культурного наследия КНР об усилении контроля за археологической деятельностью»¹², а также база судебных дел chinacourt.org.

История правового регулирования археологической деятельности в КНР

В 1978 г. Китай принял политику «Реформ и открытости», и в результате ряда экономических реформ, проведенных в ее рамках, страна стала открытой для внешнего мира. Прибывающие в Китай иностранцы интересовались китайским искусством, поэтому китайцы стали вести раскопки у себя во дворах и продавать найденные реликвии иностранцам. Последние, в свою очередь, нередко перепродавали предметы за рубежом по более высоким ценам¹³. Кроме того, в это время в рамках экономической реформы в стране при-

ступили к строительству большого числа заводов и фабрик. Чтобы памятники культуры не были уничтожены в ходе строительства, предварительно на месте будущих предприятий должны были исследовать археологи¹⁴.

Признавая, что культурные реликвии нуждаются в дополнительной защите, в 1982 г. правительство КНР обнародовало «Закон об охране памятников культуры» («Закон 1982 г.»). Он описывал процедуру исследования территории перед застройкой¹⁵. Несмотря на немалую пользу, одной из слабых сторон закона стало отсутствие в нем четкого распределения ответственности между национальным правительством и провинциями¹⁶. Тем не менее Закон 1982 г. стал фундаментом для последующей работы по охране культурного наследия. В течение следующих 20 лет на его основе были приняты другие нормативно-правовые акты о регулировании этой сферы: «Положение об иностранной археологической деятельности» (1991), Правила проведения полевых археологических работ (1984), Положение о сохранении и защите подводных памятников культуры (1989), Меры по управлению раскопчной деятельностью (1998) и т. д.

Однако, как отмечает Д. Мерфи, хотя правительство КНР пыталось уточнить и ужесточить законодательство для предотвращения контрабанды и фальсификаций, обороты торговли на незаконном художественном рынке не снизились¹⁷.

Определение археологической деятельности в законодательстве КНР

В «Положении об иностранной археологической деятельности» выделяются четыре вида археологической деятельности: археологическое исследование 考古调查, разведка 考古勘探, раскопки 考古发掘 и археологические записи 考古记录¹⁸.

Согласно ст. 5 Положений *археологические исследования* 考古调查 включают в себя деятельность, направленную на получение археологических материалов¹⁹. К ней относятся документирование и сбор культурных ценностей и при-

родных образцов во время раскопок, в древних гробницах, пещерных храмах и т. п. *Археологическая разведка* 考古勘探 подразумевает разведочную работу для получения информации о свойствах, структуре и объеме подземных или подводных историко-культурных реликвий²⁰. *Археологические раскопки* 考古发掘 включают действия непосредственно по сбору культурных реликвий и природных образцов для получения археологических данных²¹. Наконец, *археологические записи* 考古记录 включают в себя составление описаний, геодезические измерения, картографирование, фотографирование, кино съемку и видеосъемку реликвий²².

Глава 3 «Закона об охране памятников культуры» посвящена проведению археологических раскопок. Закон запрещает проведение любой частной археологической деятельности на территории Китая²³. Для проведения раскопок необходимо получить санкцию ведомства Государственного совета КНР, отвечающего за управление культурными реликвиями. Для получения лицензии на ведение раскопок организация должна предоставить отделу управления культурными реликвиями план раскопок. Перед его утверждением отдел запрашивает мнение соответствующих научно-исследовательских учреждений. Все полученные в ходе раскопок ценности принадлежат государству, однако часть из них может быть временно передана проводившей раскопки организации для научных исследований²⁴.

Законодательство не дает конкретного определения незаконной археологической деятельности, но из содержания нормативно-правовых актов можно сделать вывод, что таковой в КНР считается любая деятельность, осуществляемая без получения соответствующей лицензии²⁵.

Деятельность правительства по пресечению незаконных раскопок

Преступления, связанные с незаконной археологической деятельностью, сложно поддаются контролю: добытые в ходе незаконных раскопок предметы не регистрируются, об

их существовании знают лишь участники раскопок. После продажи реликвий доказать то, что они были получены незаконным путем, практически невозможно. Кроме того, зачастую бывает сложно установить, к какому памятнику относятся реликвии после того, как они уже извлечены из земли. Государственные ресурсы не всегда позволяют эффективно пресекать расхищения, поэтому расхитители открыто общаются на форумах, делятся опытом и предлагают друг другу помощь²⁶. К этим проблемам добавляется тот факт, что не обо всех случаях краж культурных ценностей сообщается в полицию.

Если в первые 15 лет XXI в. активных и комплексных попыток усовершенствовать законодательство практически не предпринималось, то в рамках 13-й пятилетки (2016—2020 гг.) китайское правительство занялось нерешенными вопросами в области защиты культурных ценностей. Оно сосредоточилось на защите культурных ценностей как на «золотой визитной карточке страны» и свидетельстве длительного исторического развития китайской нации²⁷.

В 2016 г. премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян подписал «Руководящие принципы по дальнейшему усилению работы, связанной с культурными реликвиями»²⁸. В документе признаются несовершенства китайского законодательства и ставится задача устранить их, руководствуясь принципом «охрана прежде всего: спасение, разумное использование и усиление управления». Вслед за Принципами в период с 2016 по 2020 г. был принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу. В их числе — «Замечания Государственного управления по охране культурного наследия КНР о дальнейшем усилении контроля за археологической деятельностью», в котором описываются основные задачи по улучшению работы по охране культурных ценностей к 2025 г.²⁹

В рамках 13-й пятилетки для борьбы с незаконными раскопками государство поставило следующие задачи: улучшение координации между органами и провинциями, повышение ответственности на местах, совершенствование законодательства и активная пропаганда в СМИ — в том числе публикация итогов крупных судебных расследований³⁰.

Результаты работы по борьбе с незаконными раскопками

Далее мы рассмотрим, как на практике выполнялись задачи, поставленные на 13-ю пятилетку, на примерах, взятых из ведущих китайских СМИ и базы судебных дел chinacourt.org.

Одной из главных задач по защите культурных ценностей на 13-ю пятилетку стало повышение ответственности провинциальных властей за преступления, связанные с разграблением древних памятников. В 2018 г. в КНР были опубликованы «Методы по надзору за культурными реликвиями посредством приглашения для беседы в Государственное управление по охране культурного наследия КНР»³¹. Глав провинций, в которых были замечены нарушения в области проведения археологической деятельности, стали вызывать на специальные «беседы», а в СМИ начали публиковаться отчеты о проделанной работе.

Так, например, в середине ноября 2020 г. на строительной площадке в районе Линьцзы города Цзыбо провинции Шаньдун произошли незаконные раскопки древней гробницы³². 3 декабря Государственное управление по охране культурного наследия провело беседу с руководителями соответствующих ведомств г. Цзыбо и потребовало, чтобы администрация провинции Шаньдун добросовестно выполняла обязанности по защите культурных реликвий и надзору за археологической деятельностью.

Кроме того, в ходе 13-й пятилетки планировалось улучшить координацию между провинциями и соответствующими провинциальными органами, отвечающими за охрану культурных ценностей. Одним из ярких примеров борьбы с расхищением гробниц стало сотрудничество органов общественной безопасности провинций Хунань и Хубэй, которые практически три года расследовали (с начала 2016 по конец 2018 гг.) серию разграблений гробницы Суцзялун (уезд Цзиншань, провинция Хубэй), занесенной в список Охраняемых памятников КНР³³. В результате было

задержано 23 подозреваемых, которым предъявлены обвинения в разграблении гробницы и продаже краденых культурных ценностей. 22 культурные ценности были возвращены государству, обвиняемые осуждены на сроки от 9 до 14 лет тюремного заключения. Дело было признано лучшим расследованием 2018 г. в провинции Хубэй.

Государство стремится не только улучшить координацию между провинциями для расследования преступлений, но и повысить осведомленность населения о важности проблемы и необходимости борьбы с незаконным разграблением археологических памятников. В 2017 г. были приняты поправки к закону «Об охране памятников культуры», однако раздел, регламентирующий археологическую деятельность, не редактировался с 2002 г.³⁴ Закон предусматривает «моральное поощрение или материальное вознаграждение» гражданам, внесшим вклад в археологические раскопки или сообщившим об обнаружении реликвий (ст. 22). Однако, по мнению А. Маус, такие меры недостаточно стимулируют граждан возвращать незаконно приобретенные реликвии, так как выгода от их перепродажи на черном рынке намного выше³⁵. Более того, местные административные и правоохранительные органы зачастую не обеспечивают соответствующего надзора или даже содействуют кражам и расхищениям³⁶.

Кроме того, как отмечает А. Маус, несмотря на необходимость выполнения законов об охране памятников культуры, провинциальные власти не получают на эту работу дополнительного финансирования, что затрудняет выполнение обязательств³⁷.

Огласка судебных дел, описанных выше, уже свидетельствует об активном использовании СМИ для привлечения внимания к проблеме. В СМИ публикуются отчеты о раскрытых за год преступлениях: это, с одной стороны, подчеркивает заслуги правоохранительных органов, с другой — в очередной раз привлекает к проблеме внимание граждан.

На платформе chinacourt.org за период 13-й пятилетки в открытом доступе было размещено более 270 судебных

дел, связанных с археологической деятельностью, а в конце 2020 г. была опубликована подборка наиболее типичных судебных процессов в области культурного наследия, состоявшихся в период 2016—2020 гг. В их числе — раскопки древней гробницы в Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе³⁸.

За 2019 г. правоохранительные органы провели проверку более 270 тыс. памятников и выявили 819 нарушений, 208 случаев разграбления древних гробниц³⁹. Платформа сообщений о культурных реликвиях «12 359» Государственного управления культурного наследия получила 2318 сообщений о нарушениях в отношении культурных ценностей, в том числе 1263 сообщения по телефону, 994 сообщения через веб-сайты и электронную почту, 36 сообщений в письмах и 25 сообщений по другим каналам⁴⁰. Согласно отчету, опубликованному на портале china.com.cn, за период всей 13-й пятилетки в КНР было раскрыто более 3000 преступлений, связанных с культурными реликвиями, более 60 000 культурных ценностей были изъяты и возвращены государству⁴¹.

Заключение

Исследование выявило основные тенденции в правовом регулировании незаконной археологической деятельности в КНР: это совершенствование законодательной базы, улучшение координации между провинциями, повышение ответственности местных органов власти за сохранение культурного наследия и активная пропаганда в СМИ. Поскольку оценка объема незаконных раскопок на территории КНР представляет невыполнимую задачу вследствие недостатка соответствующих данных (нам доступны лишь раскрытые судебные дела), измерить эффективность борьбы правительства с преступлениями в полном объеме также не представляется возможным. Тем не менее, с учетом действующей нормативно-правовой базы и внимания СМИ к проблеме незаконной археологической деятельности,

можно сделать вывод, что в последние годы правительство КНР стало открыто признавать наличие проблем в области охраны культурного наследия в целом и в области незаконных раскопок в частности, и ищет пути их решения.

¹ *Nectar Gan*. China bans looted antiques from going under hammer at mainland auction houses // South China Morning Post. 2016. URL: <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2042322/china-bans-looted-antiques-going-under-hammer-mainland> (дата обращения: 21.05.2021).

² *Murphy D.J.* The People's Republic of China and the Illicit Trade in Cultural Property: Is the Embargo Approach the Answer? // International Journal of Cultural Property. 1994. № 3(2). P. 227.

³ *Murphy D.J.* Plunder and Preservation: Cultural Property Law and Practice in The People's Republic of China. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 97—98.

⁴ *He Shuzhong*. Illicit Excavation in Contemporary China // Journal of Field Archaeology. 2001. № 28 (1/2), P. 19—25.

⁵ *Maus A.K.* Safeguarding China's cultural history: proposed amendments to the 2002 law on the protection of cultural relics // Pacific Rim Law & Policy Journal. 2009. № 18. P. 405—431.

⁶ *Stephen A.* China: Domestic Archaeological Heritage Management Law. In: Smith C. (eds) Encyclopedia of Global Archaeology. New York: Springer, 2014. P. 1414—1421.

⁷ *Ляпустин С. Н., Барей Н. С.* Антикварный рынок Китая и роль таможенных органов Китая в борьбе с контрабандой культурных ценностей // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 3(80). С. 89—97.

⁸ Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуси лин (Указ Председателя КНР) «Чжунхуа жэньминь гунхэго вэньу баоху фа (Закон об охране памятников культуры КНР)» от 19.11.1982 // Цюаньго жэньда чанвэйхуэй ван (Сайт Постоянного Комитета ВСНП). С изм. и допол. в ред. от 11.04.2017. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201711/f7f1401d1e654236bc106c99c4d33d33.shtml> (дата обращения: 10.05.2021).

⁹ Гоцзя вэнььцзюй лин (Указ Государственного управления по охране культурного наследия КНР) «Чжунхуа жэньминь гунхэго каогу шэвай гунцзо гуаньли баньфа (Положение об иностран-

ной археологической деятельности)» от 22.02.1991 № 1 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу ван (Сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики). С изм. и допол. в ред. от 06.02.2016. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5139373.htm (дата обращения: 10.05.2021).

¹⁰ Гоуюань чжидео ицзянь (Руководящие принципы Государственного совета КНР) «Гуаньюй цзиньбу цзяцян вэньу гунцзо дэ чжидео ицзянь (Руководящие принципы по дальнейшему усилению работы, связанной с культурными ценностями)» от 04.03.2016 № 17 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу ван (Сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-03/08/content_5050721.htm (дата обращения: 12.05.2021).

¹¹ Чжунъян цюаньянь шэньхуа гайгэ вэйюаньхуэй ицзянь (Замечания Комиссии ЦК КПК по всестороннему углублению реформ) «Гуаньюй цзяцян вэньу баоху лиун гайгэ дэ жогань ицзянь (Замечания по поводу усиления мер по охране культурного наследия)» от 06.07.2018 Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу ван (Сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018-10/08/content_5328558.htm (дата обращения: 12.05.2021).

¹² Гоцзя вэньуцзюй ицзянь (Замечания Государственного управления по охране культурного наследия КНР) «Гоцзя вэньуцзюй гуаньюй цзиньбу цзяцян каогу гуаньли дэ ицзянь (Замечания Государственного управления по охране культурного наследия КНР об усилении контроля за археологической деятельностью)» от 20.06.2019 № 17 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу ван (Сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-06/20/content_5401773.htm (дата обращения: 13.05.2021).

¹³ *Gallagher S.* «Purchased in Hong Kong»: Is Hong Kong the Best Place to Buy Stolen or Looted Antiquities? // *International Journal of Cultural Property*. 2017. № 24(4). P. 481.

¹⁴ *He Shuzhong.* Op. cit. P. 21.

¹⁵ Чжунхуа жэньминь гунхэго вэньу баоху фа (Закон об охране памятников культуры КНР) от 19.11.1982.

¹⁶ *Murphy D.J.* Plunder and Preservation... P. 99.

¹⁷ *Murphy D.J.* The People's Republic of China and the Illicit Trade in Cultural Property... P. 227.

¹⁸ Чжунхуа жэньминь гунхэго каогу шэвай гунцзо гуаньли баньфа (Положение об иностранной археологической деятельности) от 22.02.1991.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Чжунхуа жэньминь гунхэго вэньу баоху фа (Закон об охране памятников культуры КНР) от 19.11.1982.

²⁴ Там же.

²⁵ Гуаньюй цзяцян вэньу баоху лиюн гайгэ дэ жогань ицзянь (Замечания по поводу усиления мер по охране культурного наследия) от 06.07.2018.

²⁶ *Celine Ge*. China's ancient treasures under siege from army of tomb raiders // South China Morning Post. 2015. URL: <https://www.scmp.com/lifestyle/article/1885832/chinas-ancient-treasures-under-siege-army-tomb-raiders> (дата обращения: 22.05.2021).

²⁷ Гуаньюй цзиньibu цзяцян вэньу гунцзо дэ чжидао ицзянь (Руководящие принципы по дальнейшему усилению работы, связанной с культурными ценностями) от 04.03.2016.

²⁸ Там же.

²⁹ Гоцзя вэньуцзюй гуаньюй цзиньibu цзяцян каогу гуаньли дэ ицзянь (Замечания Государственного управления по охране культурного наследия КНР об усилении контроля за археологической деятельностью) от 20.06.2019.

³⁰ Гуаньюй цзяцян вэньу баоху лиюн гайгэ дэ жогань ицзянь (Замечания по поводу усиления мер по охране культурного наследия) от 06.07.2018.

³¹ Гоцзя вэньуцзюй цзюэдин (Решение Государственного управления по охране культурных реликвий КНР) «Гоцзя вэньуцзюй вэньу дуча юэтань баньфа (Методы по надзору за культурными реликвиями посредством приглашения для беседы в Государственное управление по охране культурного наследия КНР)» от 18.12.2018 № 28 // Гоцзя вэньуцзюй ван (Сайт государственного управления по охране культурного наследия КНР). URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2019/1/3/art_2318_26972.html (дата обращения: 13.05.2021).

³² Игэ цзяньчжу гунди фэйфа вацзюэ гуму, Гоцзя вэньуцзюй юэтань Цзыбоши жэньминь чжэнфу (На строительной площадке была незаконно раскопана древняя гробница. Государственное управление по охране культурного наследия вызвало городское народное правительство Цзыбо для беседы) // Тянь-

цзинь Биньхай ван. 14.01.2021. URL: <http://www.tjbhnews.com/zixun/2021/0114/31792.html> (дата обращения: 17.05.2021).

³³ Цзиншань: похо Суцзялун гуму даоцзюэ аньцзянь, 23 мин даоумуцзэй ло фаван (Цзиншань: раскрыт случай разграбления гробницы Суцзялун, арестованы 23 расхитителя гробниц) // Соху ван. 11.11.2018. URL: https://www.sohu.com/a/274608896_99930747 (дата обращения: 17.05.2021).

³⁴ Чжунхуа жэньминь гунхэго вэньу баоху фа (Закон об охране памятников культуры КНР) от 19.11.1982.

³⁵ *Maus A.K.* Op. cit. P. 413.

³⁶ *Gallagher S.* Op. cit. P. 484.

³⁷ *Maus A.K.* Op. cit. P. 414.

³⁸ Цзуйгаоцзянь фабу 10 ци вэньу хэ вэньхуа ичань баоху гуньи сусун дяньсин аньли (Верховная народная прокуратура Китая опубликовала 10 типичных примеров судебных процессов, связанных с охраной культурных ценностей и культурного наследия) // Chinacourt.org. 02.12.2020. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2020/12/id/5640777.shtml> (дата обращения: 17.05.2021).

³⁹ Гоцзя вэньуцзюй гуаньюй 2019 няньду вэньу синчжэн чжифа хэ аньцюань цзяньгуань гунцзо цинкуан дэ тунбао (Отчет Государственного управления по охране культурного наследия КНР об административном правоприменении и надзоре за сохранностью культурных реликвий в 2019 г.) // Гоцзя вэньуцзюй ван (Сайт государственного управления по охране культурного наследия КНР). URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2020/4/23/art_2237_43745.html (дата обращения: 13.05.2021).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Шисань» шици чжэньпо вэньу фаньцзуй аньцзянь 3000 юйци. Чжуйцзяо шэань вэньу 6 ваньюй цзянь (За период «13-й пятилетки» было раскрыто более 3000 преступлений, связанных с культурными реликвиями. Более 60 000 культурных реликвий были возвращены) // Чжунго ван. 31.12.2020. URL: http://cul.china.com.cn/2020-12/31/content_41414087.htm (дата обращения: 17.05.2021).